

307 106
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР

Энз. № 233

СТРОГО СЕКРЕТНО

Снятие копии воспрещается

ЗАКРЫТОЕ ПИСЬМО

№ 001

26 января 1935 г.

МОСКВА

СТРОГО СЕКРЕТНО

РАССЕКРЕЧЕНО

ЗАКРЫТОЕ ПИСЬМО НКВД СССР**№ 001.****26-го января 1935 г.****гор. Москва.**

ВСЕМ НКВД СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК, НАЧАЛЬНИКАМ КРАЕВЫХ, ОБЛАСТНЫХ И РЕСПУБЛИКАНСКИХ УПРАВЛЕНИЙ НКВД, СЕКРЕТАРЯМ ПАРТИЙНЫХ КОМИТЕТОВ ВКП(б) ОРГАНОВ НКВД, НАЧАЛЬНИКАМ РЕСПУБЛИКАНСКИХ, КРАЕВЫХ И ОБЛАСТНЫХ УПРАВЛЕНИЙ РК МИЛИЦИИ, НАЧАЛЬНИКАМ, ОКРУЖНЫХ ОТДЕЛОВ, СЕКТОРОВ, ГОРОДСКИХ И РАЙОННЫХ ОТДЕЛОВ, ГОРОДСКИХ И РАЙОННЫХ ОТДЕЛЕНИЙ НКВД, ЗАМ. НАЧ. ПОЛИТОТДЕЛОВ СОВХОЗОВ ПО РАБОТЕ НКВД, НАЧАЛЬНИКАМ ОО КОРПУСОВ, ДИВИЗИИ И БРИГАД, НАЧАЛЬНИКАМ ДТО, ОДТО И ОПЕРПУНКТОВ ТО ГУГБ НКВД, НАЧАЛЬНИКАМ ПОГРАНИЧНЫХ ОТРЯДОВ, КОМЕНДАНТАМ ПОГРАНКОМЕНДАТУР, КОМАНДИРАМ - ВОЕНКОМАМ ПОЛКОВ И ОТДЕЛЬНЫХ ДИВИЗИОНОВ ГУПВО, НАЧАЛЬНИКАМ УПРАВЛЕНИЙ ЛАГЕРЕЙ, НАЧАЛЬНИКАМ УПРАВЛЕНИЙ, ОТДЕЛОВ И ОТДЕЛЕНИЙ НКВД, НАЧАЛЬНИКАМ ШКОЛ НКВД.

Следствием по делу злодейского убийства тов. **Кирова**, совершенного Леонидом **Николаевым**, установлено, что он являлся членом «ленинградского террористического центра» контр-революционной зиновьевской организации, безнаказанно существовавшей продолжительное время, подготовившей и осуществившей по тщательно разработанному плану террористический акт.

Как могло случиться, что наши органы в Ленинграде преступно проглядели существование террористической группы зиновьевцев и не сумели уберечь жизнь тов. **Кирова**, одного из крупнейших руководителей и лучших людей нашей партии?

Как могло случиться, что на одном из ответственных участках борьбы с контр-революцией в Ленинграде, где должна была быть особенно заостренной революционная, чекистская бдительность наших органов, враг выпал из поля зрения чекистов и сумел тщательно подготовить и нанести тягчайший удар партии и рабочему классу?

Причины кроются в следующем:

а) несмотря на очевидное обострение террористических настроений остатков недобитого врага, ряд руководящих лиц и отдельные звенья аппарата УНКВД Ленинградской области проявляли преступную бездеятельность, благодушие, самоуспокоенность, **граничащие с право-опportunистическим перерождением** и вызванные притуплением классового чутья и революционной чекистской бдительности;

б) среди работников аппарата УНКВД культивировались **настроения барской лени** и высокомерного отношения к непосредственной, практической оперативной работе, которая часто находилась в руках людей, случайно поставленных, никем не подобранных, никем не проверенных, иногда с сомнительным прошлым и весьма подозрительными зарубежными связями (как, например, **Бальцевич**);

в) элементы разложения, отсутствия бдительности и засоренность аппарата НКВД в Ленинграде привели к тому, что **тревожные сигналы агентуры** о подготовке террористических актов против тов. **Кирова** и прямые указания НКВД СССР о решительной борьбе с к.р. террористическими элементами **оставались без всякого внимания**;

г) важнейшая задача УНКВД по Ленинградской области — обеспечение охраны тов. **Кирова** всеми силами — не стояла в центре внимания не только всего аппарата, но даже Оперативного отдела, непосредственно отвечавшего за организацию охраны.

Эти граничащие с право-опportunистическим перерождением настроения ряда руководящих работников НКВД в Ленинграде (особенно ярко видные из прилагаемых при сем протоколов и обвинительного заключения по делу **Медведа** и других) выражались прежде всего в том, что гор. **Ленинград и область рассматривались ими как территория, где нет оснований опасаться особо острых проявлений классовой борьбы**, где, стало быть, враг добит и где, поэтому, директивы НКВД о борьбе с контр-революцией не выполнялись, как не соответствующие обстановке.

Это обстоятельство подтверждает и **Запорожец** в своих показаниях, данных им на предварительном следствии по его делу:

«Выросла самоуспокоенность в борьбе с контр-революцией из уверенности, что этап острой классовой борьбы в конкретных условиях Ленинграда пройден. Носителями этих настроений в аппарате Управления НКВД являлись засидевшиеся люди в Ленинграде, как-то: **Горин, Янишевский, Губин**».

О том, что такие настроения были типичны для других руководящих работников УНКВД ЛО, говорит последнее выступление в октябре 1934 г. нач. СПО УНКВД ЛО **Горина** на совещании по результатам обследования УНКВД ЛО комиссией НКВД СССР:

«Наиболее ярким выражением моих политически вредных настроений являлось мое выступление на совещании по итогам обследования комиссией НКВД СССР в конце 1934 года, когда я говорил, что на нас комиссия напирает напрасно, дела обстоят у нас не так плохо и что доказательством этому является отсутствие террора, массовых волынок на фабриках, отсутствие листовок и т. д.».

(Показания **Горина**).

И это в то время, как Ленинградская область имеет три границы на расстоянии 30—40 км. от Ленинграда, при чрезвычайно интенсивной деятельности всех иностранных разведок на линии этих границ, при непрекращающихся попытках зарубежных террористических центров проникнуть именно через эти границы на нашу территорию для совершения террористических актов против вождей партии и сов. правительства.

И это в то время, когда Ленинград и область насыщены большим количеством остатков бывш. аристократии, царского чиновничества и придворной челяди, гвардейского офицерства, беглых кулаков, проникших на производство и т. п.

И это в то время, когда в Ленинграде фактически оставалось нетронутым значительное число б. участников зиновьевско-троцкистского к.-р. блока.

Руководящие работники УНКВД в Ленинградской области преступно игнорировали директиву ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 8/V—1933 года, где сказано:

«Классовый враг видит... что наступили последние дни его существования, — и он не может не хвататься с отчаяния за самые острые формы борьбы с советской властью.

Поэтому не может быть и речи об ослаблении нашей борьбы с классовым врагом. Наоборот, наша борьба должна быть всемерно усилена, наша бдительность — всемерно заострена. Речь идет, стало быть, об усилении нашей борьбы с классовым врагом».

Руководящие работники УНКВД Ленинградской области забыли указание вождя нашей партии т. **Сталина**:

«Надо иметь в виду, что рост мощи советского государства будет усиливать сопротивление последних ос-

татков умирающих классов. Именно потому, что они умирают и доживают последние дни, они будут переходить от одних форм наскоков к другим, более резким формам наскоков, апеллируя к отсталым слоям населения и мобилизуя их против советской власти.

...На этой почве могут ожить и зашевелиться разбитые группы старых контр-революционных партий эсеров, меньшевиков, буржуазных националистов центра и окраин, могут ожить и зашевелиться осколки контр-революционных оппозиционных элементов из троцкистов и правых уклонистов».

(Из доклада т. Сталина об итогах первой пятилетки на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 7/1 1933 г.).

А руководители НКВД в Ленинграде сложили оружие и ушли на ответственнойшем боевом революционном посту, который им доверила партия.

Где же была партийная организация УНКВД по Ленинградской области?

Почему партийная организация не видела охватившего ряд коммунистов благодушия, преступной самоуспокоенности, притупления классового чутья и революционной бдительности, граничивших с оппортунизмом?

Почему партийная организация не заметила морального разложения отдельных звеньев аппарата, не заметила, что на ответственные посты по борьбе с террором и шпионажем ставятся такие непроверенные, явно вызывающие сомнения, люди, как **Бальцевич?**

Потому, что партийная организация Управления НКВД ЛО не боролась за революционную и чекистскую бдительность коммунистов; не боролась за бдительность внутри аппарата НКВД; не боролась за партийную и чекистскую дисциплину; не боролась с элементами разложения, оппортунизма и самоуспокоенности; не боролась с засоренностью кадров, с чекистами-рассказчиками, болтунами и сплетниками; не вела систематической, упорной работы над идейно-политическим и культурным воспитанием членов партии.

Потому, что **благодушие и самоуспокоенность**, господствовавшие в настроениях руководящих работников УНКВД ЛО, не только не встретили отпора, но **свили себе прочное гнездо** и в самой партийной организации.

Такое положение в той или иной степени может иметь место в других партийных организациях отдельных органов НКВД и требует искоренения этих безобразий со всей большевистской решительностью.

Нижеследующие факты ярко характеризуют полнейшую бездеятельность, усыпление бдительности и паралич отдельных зве-

нцев аппарата НКВД в Ленинграде, повлекших за собой трагические последствия для партии и рабочего класса и покрывших попором органы НКВД.

ОСВОБОЖДЕНИЕ Л. НИКОЛАЕВА 15/X—1934 г.

Злодейское убийство тов. Кирова было бы предотвращено, если бы при задержании Л. Николаева 15 октября 1934 г. нами были проведены элементарные меры по его проверке, обыску и допросу.

Чем можно объяснить, что рядовой разведчик проявил достаточно бдительности, задержав подозрительно ведшего себя Николаева, а квалифицированный нач. отделения Опер. Отдела УНКВД ЛЮ Котомин не придал этому никакого значения и освободил Николаева?

Только полным притуплением чекистской бдительности, оперативной расхлябанностью и абсолютной безответственностью руководящих работников УНКВД ЛЮ. Ибо сам Николаев на предварительном следствии показал, что, если бы он был при задержании обыскан, у него в портфеле нашли бы заряженный «наган» и записи, в которых был изложен план террористического акта против тов. Кирова.

Надо подчеркнуть, что Николаев был освобожден на основании одного его заявления, что он является членом ВКП(б) и намеревался обратиться на улице к тов. Кирову по личному вопросу.

Начальник Оперативного Отдела Губин, которому Котомин доложил о задержании, не справившись о причинах освобождения Николаева, задержанного при подозрительных обстоятельствах, согласился с предложением Котомина об освобождении Николаева из-под ареста.

Надо сказать, что это легковесное и легковоежное отношение к преступным контр-революционным элементам, проникшим на производство, либо прикрывающимся парт. билетом, является крайне характерной чертой всей работы Управления НКВД ЛЮ.

Уже после убийства т. Кирова следствием вскрыты факты явного игнорирования отдельными работниками оперативных отделов Управления НКВД сообщений агентуры, либо заявлений отдельных рабочих о наличии террористических настроений среди контр-революционных элементов. При чем мотивом к отказу от привлечения этих элементов к ответственности, служили ссылки на то, что лица, проявлявшие эти террористические настроения, якобы, являются рабочими.

Можно ли чем-нибудь иным, кроме совершенного притупления революционной, чекистской бдительности, объяснить это ничем не оправдываемое доверие подозрительным или определенно преступным элементам, на основании только того, что они являются рабочими, без элементарной проверки их прошлого и обстоятельств проникновения их на предприятия?

II.

ДЕЛО ЗИНОВЬЕВСКОЙ К.-Р. ОРГАНИЗАЦИИ.

Злодейское убийство т. Кирова было бы предотвращено, если бы своевременно была доведена до конца оперативная ликвидация к.-р. зиновьевской группы в Ленинграде и, тем самым, нами был бы вскрыт террористический центр, подготовивший и осуществивший убийство тов. Кирова.

При ознакомлении со старыми агентурными и следственными делами УНКВД ЛО, нами было выяснено, что при ликвидации в январе-феврале 1933 года в г. Ленинграде зиновьевско-троцкистской контр-революционной группы в количестве 91 человека, **Медведю** и его ближайшим помощникам было известно, на основе данных следствия, о руководящей роли в этой к.-р. группе **В. Левина** и **В. Румянцева**.

Между тем, решительно никаких мер не было принято к тому, чтобы арестовать **Румянцева** и **Левина** и пресечь их контр-революционную деятельность.

Больше того, нач. СПО **Горин** не принял никаких мер к тому, чтобы приобрести необходимую агентуру и обеспечить разработку к.-р. зиновьевцев.

III.

ДЕЛО ВОЛКОВОЙ.

Злодейское убийство т. Кирова было бы предотвращено, если бы не было налицо преступной самоуспокоенности и оперативного бездействия ленинградского аппарата, если бы руководящие и ответственные оперативные работники хоть сколько-нибудь прислушались к тревожным сигналам агентуры — о подготовке террористических актов против тов. Кирова.

Вопиющим фактом является дело секретной осведомительницы Управления НКВД ЛО **М. Н. Волковой**.

В целом ряде своих сообщений в УНКВД ЛО **Волкова**, начиная с середины августа 1934 года, указывала на существование в

Ленинграде контр-революционной, террористической организации, состоящей из кулаков, участники которой на своих собраниях обсуждают вопрос об организации покушения на тов. **Кирова**.

Волкова назвала в своих сообщениях свыше 30-ти активных контр-революционеров, преимущественно кулаков Мяксинского района, Ленинградской области, бывших участников контр-революционного мятежа в 1918 году.

Вместо того, чтобы принять надлежащие меры к быстрому энергичному вскрытию этой организации и предотвращению возможного террористического акта против тов. **Кирова**, ответственные работники УНКВД ЛО, в лице зам. нач. Особого отдела ЛВО **Янишевского Д. Ю.**, пом. нач. 2-го Отделения ОО **Бальцевича М. К.**, уполномоченного того же отделения **Петрова Г. А.**, отнеслись предвзято к сообщениям **Волковой**.

Волкова буквально стучалась во все двери, но встречала ничем не оправдываемое недоверие к себе. Только уполномоченный райотделения тов. **Соколов** и его помощник т. **Комаров** оказались настоящими чекистами, проявившими революционную бдительность и считавшими верными сообщения **Волковой**, но к их голосу также никто не прислушался.

Не сделав решительно ничего для оперативной проверки ее агентурных сообщений, перечисленные выше работники, наоборот, установили за **Волковой** наружное наблюдение.

Мало того, эти же работники с санкции зам. нач. УНКВД ЛО **Фомина Ф. Т.** арестовали **Волкову** и посадили ее в психиатрическую лечебницу. Надо при этом подчеркнуть, что **Волкова** является комсомолкой, активисткой районного совета в Ленинграде и 3 года работала в качестве секретной осведомительницы.

Между тем, следствие, произведенное на основании сообщений **Волковой**, группой работников НКВД СССР, уже после убийства тов. **Кирова** вскрыло существовавшие в Ленинграде 6-ть активных контр-революционных группировок, из которых 4 группировки ставили своей задачей организацию террористических актов против руководства советского правительства, в частности против т.т. **Сталина** и **Кирова**.

По делам этих контр-революционных группировок арестовано 44 человека, среди которых значительное количество бывших крупных царских чиновников, царских офицеров и беглых кулаков.

Следствие по этим делам, на основании документальных данных и признаний обвиняемых, полностью выявило террористический характер этих групп.

Волкова, освобожденная нами из психиатрической больницы, оказалась совершенно здоровой и дала четкие и ясные указания, точные адреса и т. п.

Разве не являются, по меньшей мере, преступным головотяпством, граничащим со злым умыслом, и фактическим пособничеством врагу действия перечисленных работников Управления НКВД в Ленинградской области, которые вместо ареста контр-революционеров, террористов, запрятали в сумасшедший дом секретную осведомительницу?

IV.

ПОСТАНОВКА ОХРАНЫ ТОВ. КИРОВА.

Наконец, злодейское убийство т. Кирова было бы предотвращено, если бы нами были приняты элементарные меры охраны т. Кирова.

Между тем, особо безобразно, безответственно и неряшливо была поставлена именно охрана тов. **Кирова**.

У руководителей Управления НКВД в Ленинградской области **не оказалось ни настойчивости, ни умения, ни соответствующей сметки** в проведении прямых, ясных директив и приказов центра о существе и порядке охраны т. **Кирова**.

Прежде всего, ответственные ленинградские работники НКВД спокойно взирали на то, что т. **Киров** систематически ходит пешком и ездит на машине по городу без всякой охраны, не принимая решительных мер к тому, чтобы такую охрану обеспечить.

В помещении самого Смольного охрану тов. **Кирова** нес специально прикомандированный к нему комиссар Оперода — **Борисов**. Надо сказать, что этот, с позволения сказать, охранитель имел 53 года от роду, член ВКП(б) с 1931 г., до поступления в 1924 г. в органы б. ОГПУ был ночным сторожем.

Мог ли обеспечить этот старый ночной сторож личную безопасность т. Кирова против вооруженных террористов?

На деле оказалось, что в момент совершения **Николаевым** террористического акта комиссар **Борисов** отсутствовал на месте покушения.

Из данных следствия видно, что **Борисов**, в лучшем случае, был где-то в коридорах Смольного, за добрую сотню метров от места убийства и, конечно, не только не смог отвести руку убийцы, но явился на место покушения одним из последних, уже после совершения убийства.

Медведь же преступно солгал, сообщив в НКВД СССР в своем первом донесении после убийства тов. **Кирова**, что в момент совер-

шения **Николаевым** террористического акта, возле **Кирова** был комиссар.

К несчастью, следствие было лишено возможности допросить лично **Борисова** о его поведении в момент убийства потому, что **Борисов**, вызванный 2-го декабря 1934 года из Управления НКВД в Смольный для дачи объяснений членам правительства, погиб в результате автомобильной аварии.

Надо сказать, что и в этой смерти комиссара **Борисова** сказались неспособность руководящих работников УНКВД ЛО к выполнению самых, казалось бы, простых оперативных распоряжений.

Прежде всего, руководители Управления НКВД по ЛО, а **Медведь** в первую очередь, не догадались немедленно арестовать **Борисова**, нарушившего свой боевой долг.

Когда в Оперативный Отдел т. **Хвиюзову** (нач. 1-го Отделения Оперода) было передано распоряжение о направлении **Борисова** в Смольный, тов. **Хвиюзов** не нашел иного способа выполнить это распоряжение, как отправить **Борисова** на случайно попавшемся грузовике, который по пути в Смольный потерпел аварию.

V.

ЗАСОРЕННОСТЬ АППАРАТА.

Особо надо отметить крайнюю засоренность аппарата УНКВД по Ленинградской области.

При ближайшей проверке оказалось, что люди принимались в этот аппарат, в особенности на технические и подсобные должности, без должного отбора, без надлежащей проверки их прошлого и без учета их пригодности для работы в органе борьбы с контр-революцией.

Такая неразборчивость в приеме людей в аппарат, отсутствие проверки кадров и терпимое отношение к лицам, явно вызывавшим сомнения, прямо вытекали из всей обстановки благодушия, преступной самоуспокоенности и отсутствия настороженности к попыткам врагов проникнуть в аппарат УНКВД ЛО.

Засоренными оказались и оперативные отделы ленинградского аппарата.

Как на наиболее вопиющие, надо указать на следующие факты прямой измены и предательства со стороны работников Наркомвнудела:

1) пом. нач. 2-го отделения ОО ЛВО **Бальцевич**, беспартийный, имеющий брата белоэмигранта, майора польской армии и сестру с

крайне подозрительными связями, приезжавшую к нему в 1934 году из Польши.

Руководители Ленинградского УНКВД грубо нарушили распоряжение 6. ОГПУ и НКВД, запрещающее назначать на оперативные должности беспартийных сотрудников и допустили на ответственную оперативную работу непроверенного ими **Бальцевича**, случайно проникшего в органы быв. ОГПУ.

Бальцевич не только сыграл гнусную роль в деле **Волковой**. Установлено, кроме того, что в ноябре 1934 года **Бальцевич** незаконно освободил из-под стражи двух латвийских шпионов, сознавшихся в шпионаже в пользу Латвии и нелегальной связи с латвийским консульством в Ленинграде.

2) Оперативный уполномоченный Экономического Отдела Управления НКВД в Ленинграде **Каган**, кандидат в члены ВКП(б) с 1931 года, поступивший в Управление НКВД в Ленинграде в 1933 году, предупредил своего брата, старого зиновьевца **Татарова**, приехавшего к нему из Москвы уже после убийства тов. **Кирова**, о том, что в Ленинграде идут аресты зиновьевцев. **Каган** посоветовал **Татарову**, во избежание ареста немедленно уехать. **Татаров** скрылся из Ленинграда, но затем был арестован нами в Москве.

Эти обстоятельства были впоследствии подтверждены следствием по данному делу.

3) По показаниям члена «ленинградского террористического центра» **Владимира Левина**, ему, со слов **Владимира Румянцева**, было известно о том, что работник Наркомвнудела **Гранский**, в бытность свою уполномоченным III ОГПУ в Выборгском районе города Ленинграда, весной 1932 г., предупредил **Румянцева** о том, что III ОГПУ известно, что вокруг **Румянцева** и **Левина** идет группирование зиновьевцев.

Допрошенный нами **Румянцев** показал, что он был официально вызван **Гранским** в районное отделение НКВД, где **Гранский**, якобы, спросил его, как он работает в Райсовете и не поддерживает ли связь с бывшими оппозиционерами.

Даже если бы дело обстояло так, как это рисует **Румянцев** (а это более чем сомнительно), факт вызова контр-революционера, имеющего широкие нелегальные связи, для «внушения» грубо противоречит всем установкам приказов о работе НКВД.

В данном же случае в действиях **Гранского** тем более имеется оснований усмотреть преступление, что **Гранский** является родственником **Румянцева**.

VI.

ВЫВОДЫ.

Таким образом, точно установлено, что злодейское убийство тов. Кирова могло бы быть предотвращено:

1) если бы **Николаев** при его задержании 15 октября 1934 г. был проверен и не был освобожден;

2) если бы были приняты элементарные меры охраны тов. **Кирова**;

3) если бы вообще велась хотя какая-нибудь агентурная работа среди зиновьевцев (и др. к.-р. элементов) и своевременно была бы ликвидирована зиновьевская к.-р. организация, о которой Управление НКВД обязано было знать;

4) если бы не было преступной самоуспокоенности и оперативного бездействия ленинградского аппарата НКВД, и руководители его сколько-нибудь серьезно относились бы к тревожным сигналам агентуры и заявлениям граждан о наличии в Ленинграде контр-революционных и террористических элементов;

5) если бы выполнялись указания центра о борьбе с контр-революцией и, особенно, с террористическими элементами в новых условиях.

Все нити заговора, по существу, были в наших руках.

Но **Медведь** и его помощники перестали видеть и ощущать врага, они ослепли, оглохли и уверенно уснули на своем революционном посту.

В целом ряде приказов б. ОГПУ об агентурной работе, о борьбе с двойничеством среди агентуры, о следственной работе, которые каждому чекисту известны, были даны совершенно конкретные указания о том, как в новых условиях рационализировать работу органов ОГПУ и затем НКВД, с тем, чтобы сделать «наши удары более меткими и организованными» (инструкция ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 8/V—33 г.).

Эти указания полностью сохраняют свою силу и свое значение и в настоящее время.

Более того, в октябре месяце 1934 г. произведенной бригадой НКВД СССР проверкой работы Управления НКВД по Ленинградской области была установлена полная оперативная бездеятельность последнего и даны конкретные указания о решительной перестройке работы.

Если бы Медведь, Запорожец, Фомин и др. выполнили, хотя бы в некоторой доле, эти приказы и указания, убийство тов. Кирова было бы предотвращено.

За все перечисленные тягчайшие для большевиков-чекистов преступления работники УНКВД ЛО — Медведь, Запорожец, Фомин, Янишевский, Горин-Лундин, Губин, Котомин, Петров, Бальцевич, Мосевич, Белоусенко и Лобов преданы суду Всенной Коллегии Верховного Суда СССР и понесли заслуженное наказание (приговор прилагается).

Стоит ли говорить о том, что едва ли могут найтись отдельные жалостливые чекисты, которые не поняли бы, что Медведь, Запорожец, Фомин и др. руководящие работники УНКВД ЛО понесли действительно заслуженное ими наказание?

В наших сердцах не должно быть никакой жалости к тем, кто в борьбе с контр-революцией выпустил оружие из рук, кто классовую ненависть к врагу подменил благодушием и самоуспокоенностью, кто забыл, что законом чекистов является быть всегда, везде и во всем бдительными!

То, что случилось в Ленинграде является грозным предостережением для всех наших органов, для всех работников и руководителей этих органов.

В закрытом письме: «Ко всем организациям партии» ЦК ВКП(б) сказано:

«Надо покончить с оппортунистическим благодушием, исходящим из ошибочного предположения о том, что по мере роста наших сил враг становится будто бы все более ручным и безобидным. Такое предположение в корне неправильно. Оно является отрывкой правого уклона, уверявшего всех и вся, что враги будут потихоньку вползать в социализм, что они станут в конце концов настоящими социалистами. Не дело большевиков почивать на лаврах и ретозействовать. Не благодушие нам нужно, а бдительность, настоящая большевистская революционная бдительность. Надо помнить, что чем безнадежнее положение врагов, тем охотнее они будут хвататься за «крайнее средство», как единственное средство обреченных в их борьбе с Советской властью. Надо помнить это и быть бдительными».

Эти выводы ЦК ВКП(б) должны стать боевой программой действия для всех органов НКВД.

* * *

Для действительного выполнения указаний Центрального Комитета нашей партии необходимо следующее:

1) всем работникам твердо усвоить, что основой всей работы Главного Управления Государственной Безопасности является **агентура** — это наша сила, это наши глаза, наши уши. Если мы имеем сильную агентуру, если мы с ней правильно и умело работаем, то успех борьбы с контр-революцией обеспечен.

2) **Всесторонне проверять каждое сообщение агента**, даже если оно на первый взгляд вызывает сомнения. Обеспечивать при этом быстроту разработки агентурных данных, памятуя, что агентурное дело ведется не ради разработки, а для оперативного действия, для выявления действительных врагов, своевременного ареста и пресечения их контр-революционной деятельности.

3) **Тщательно и быстро проверять все заявления**, поступающие от различных организаций или отдельных граждан. Проверка должна производиться не формально, а по существу, с использованием всех сил и средств аппарата.

Наши органы (ВЧК, ОГПУ и НКВД) всегда были сильны доверием партии, связью и широкой поддержкой рабочего класса и всех трудящихся. Важнейшей формой этой связи являются сообщения и заявления рабочих о деятельности к.-р. элементов. Мы должны всемерно крепить эту связь, в частности, проявляя **крайне внимательное отношение** к подобным заявлениям и быстро на них реагируя.

Начальники органов НКВД должны лично руководить проверкой поступающих заявлений, чтобы ни одно из них не оставалось без внимания.

4) Преодолеть оперативную неповоротливость аппарата, памятуя, что успешная борьба с контр-революцией требует полного взаимодействия всех частей аппарата НКВД, особенно внутри ГУГБ (борьба с шаблонными, безграмотными донесениями о проверяемых лицах, с безответственными справками, с бюрократической затяжкой проверки подозрительных лиц, поверхностным и неумелым наружным наблюдением и т. п.).

Все органы НКВД, все чекисты должны твердо помнить, что **мы все несем величайшую ответственность перед партией и рабочим классом:**

а) за охрану революционного порядка, необходимого для успешного завершения строительства социализма в нашей стране;

б) за своевременное и решительное пресечение всех попыток **террористических покушений**, измены родине, шпионажа, разрушения и поджогов наших социалистических предприятий;

11305

ВАС

в) за своевременное подавление в корне всех к.-р. попыток борьбы с Советской властью со стороны остатков эксплуататорских классов;

г) за своевременное вскрытие и подавление в корне всех попыток организации элементов, враждебных пролетарской диктатуре;

д) за пресечение попыток расхищения социалистической собственности.

Все органы НКВД, все чекисты должны твердо помнить, что нашу решительную борьбу с классовыми врагами, со всеми к.-р. элементами мы должны вести на основе строжайшей революционной законности.

Выполнение всех указанных выше задач возможно только при условии железной партийной и чекистской дисциплины, высокой революционной бдительности и непримиримой ненависти к классовому врагу со стороны каждого чекиста.

Народный комиссар
внутренних дел Союза ССР Г. ЯГОДА.

Приложения:

1. Обвинительное заключение по делу б. сотрудников Упр. НКВД ЛО **Медведя Ф. Д., Запорожца И. В., Фомина Ф. Т., Горина-Лундина А. С.** и друг. от 17/I—35 г.

2. Приговор Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР по делу б. сотрудников Упр. НКВД ЛО **Медведя Ф. Д., Запорожца И. В.** и друг. от 23/I—35 г.

3. Протокол допроса **Медведя Ф. Д.** от 15/I—35 г.

4. Протокол допроса **Запорожца И. В.** от 14/I—35 г.

5. Протоколы допросов **Горина-Лундина А. С.** от 14/I и 16/I—1935 г.

6. Протоколы допросов **Янишевского Д. Ю.** от 22/XII и 13/I 1935 г.

7. Протоколы допросов **Бальцевича М. К.** два от 9/XII—34, 21/XII—34 г. и 13/I—35 г.

8. Протоколы допросов **Губина А. А.** от 6/XII—34 г. и 13/I 1935 г.

9. Протоколы допросов **Котомина М. И.** от 5/XII—34 г. и 13/I 1935 г.

10. Протокол допроса **Петрова Г. А.** от 13/XII—34 г.

11. Протокол допроса **Белоусенко А. М.** от 12/XII—34 г.

Копия.

Секретно.

РАС СЕК Р Е Ч Е Н О

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по делу бывших сотрудников Управления НКВД СССР по Ленинградской области: **МЕДВЕДЯ Ф. Д., ЗАПОРОЖЦА И. В., ФОМИНА Ф. Т., ГОРИНА-ЛУНДИНА А. С.** и других.

1-го декабря 1934 года в Ленинграде, в здании Смольного, членом Ленинградского центра контр-революционной террористической заговорщической группы **Николаевым Л. В.** был убит член Президиума ЦИК Союза ССР, член Политбюро ЦК ВКП(б) и секретарь Центрального и Ленинградского комитетов ВКП(б) тов. **Киров Сергей Миронович.**

В связи с убийством тов. **Кирова С. М.**, выявлено преступно-халатное отношение к охране государственной безопасности со стороны руководителей и части ответственных оперативных работников управления НКВД СССР по Ленинградской области.

ПРЕСТУПНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ОХРАНЫ тов. С. М. КИРОВА.

Расследованием установлено, что вплоть до осени 1933 года, охрана тов. **Кирова** осуществлялась только сотрудником оперативного отдела быв. ОПУ **Борисовым**, охранявшим тов. **Кирова** в Смольном, и морально-разложившимся, завербованным швейцаром дома, в котором тов. **Киров** проживал. (Показания **Губина**, л. д. 76 и **Котомина**, л. д. 120).

Приказом б. ОПУ № 117 от 14 июля 1933 года начальнику оперативного отдела б. ПП ОПУ **Губину А. А.** был объявлен строгий выговор за допущенную небрежность в деле охраны тов. **Кирова С. М.** Несмотря на это, **Медведь, Запорожец** и **Губин** мер к организации охраны не приняли. (Показ. **Котомина**, л. д. 120).

Такой вопрос, как сопровождение тов. **Кирова** сотрудниками оперативного отдела на легковой авто-машине, был разрешен в положительном смысле только летом 1934 года, после неоднократных указаний оперативного отдела ГУТБ НКВД СССР («Я неоднократно перед **Губиным** возбуждал этот вопрос, **Губин** же говорил, что это нужно согласовать с тов. **Медведем**, и, таким образом, вопрос откладывался» — говорит в своих показаниях быв. начальник 4-го отделения оперативного отдела УТБ обвиняемый **Котомин**) (л. д. 120).

Вопрос о выделении специального комиссара для постоянной охраны тов. **Кирова** не был разрешен до самого момента убийства последнего. Тот же **Котомин** по этому поводу показывает: «Я несколько раз докладывал **Губину** о необходимости выделить для непрерывной охраны тов. **Кирова** постоянного комиссара. Однако, **Губин** каждый раз обещал переговорить об этом с тов. **Медведем**. К чему приводили эти переговоры, не знаю, но вопрос остался в том же положении» (л. д. 120 об.).

О возмутительной постановке охраны тов. **Кирова** **С. М.** в Ленинграде говорят и такие факты, как отсутствие письменных инструкций для всех лиц, несущих охрану, и общего плана охраны, непредставление постами рапортов о суточной работе, и, в частности, о подозрительных задержанных, недостаточность охраны Смольного и охраны тов. **Кирова** при поездках в Москву и проч. (Показания **Котомина**, л. д. 120, 121; **Губина**, л. д. 76 и **Медведя**, л. д. 11).

Вечером 15 октября 1934 года рядовым и малоквалифицированным сотрудником разведки, охранявшим шедшего по улице тов. **Кирова**, был задержан явно наблюдавший за тов. **Кировым** и чрезвычайно подозрительно державший себя гражданин.

Впоследствии оказалось, что это был **Николаев Л. В.**, член контр-революционной террористической зиновьевской группы, будущий убийца тов. **Кирова С. М.** При нем, по его собственным показаниям, находились в момент задержания револьвер системы «Наган» и заметки террористического характера, полностью уливавшие его в подготовке террористического акта.

Николаев был доставлен разведчиком в здание управления НКВД и сдан комиссару оперативного отдела. Последний доложил о его задержании **Котомину**. **Котомин**, не поинтересовавшись обстоятельством задержания **Николаева**, просмотрел несколько удостоверений личности его, в том числе, — и партийный билет, и, с санкции **Губина**, освободил его без производства личного обыска. (л. д. 96, 385).

О задержании и освобождении **Николаева** Оперод УГБ сообщил на следующий день в суточном рапорте начальнику управления НКВД **Медведю** и его заместителю **Фомину**.

От **Медведя** рапорт вернулся в оперативный отдел без всяких пометок, от **Фомина** же — с пометкой «**Фомин**».

Работа оперативного отдела не была увязана с другими оперативными отделами УГБ. Взаимная информация между этими отделами о разработках и делах по террору отсутствовала и, таким образом, Оперод не мог корректировать дело охраны.

Ни **Медведь**, ни его заместители **Запорожец** и **Фомин** специальных указаний по охране тов. **Кирова** **Губину** и **Котомину** не давали, регулярных докладов их не заслушивали, а принимали их от случая к случаю. (Показания **Котомина**, л. д. 121, **Губина**, л. д. 76 об. и **Медведя**, л. д. 12). Личная проверка постов охраны **Медведем**, **Запорожцем** и **Фоминим** также никогда не производилась.

НЕПРИНЯТИЕ СВОЕВРЕМЕННЫХ МЕР К ВЫЯВЛЕНИЮ И ПРЕСЕЧЕНИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К.Р. ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ЗИНОВЬЕВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В ЛЕНИНГРАДЕ.

Расследованием установлено, что руководители управления НКВД СССР по Ленинградской области **Медведь, Запорожец, Фомин, Горин-Лундин, Янишевский** не выполнили приказов б. ОГПУ, а затем НКВД Союза ССР №№ 1132, 1138, 00325 и указаний Наркома Внутренних Дел от 15/VII—34 г. о перестройке оперативно-агентурной и следственной работы.

Такое преступно-халатное отношение с их стороны к выполнению основных указаний б. ОГПУ и НКВД о перестройке работы привело к полному отсутствию оперативной работы в секретно-политическом отделе, что было констатировано комиссией НКВД Союза ССР, обследовавшей в октябре 1934 года управление НКВД по Ленинградской области.

Несмотря на такое преступное положение в работе, начальник СПО **Горин-Лундин** в своем выступлении на оперативном совещании по итогам обследования официально заявил, что «у нас уж не так плохо, забастовок нет, террористических актов нет, и поэтому нечего обследующим товарищам на нас особенно нападать». (Показания **Янишевского, Бальцевича, Горина**, л. д. 44 об., 192, 304, 351). Это выступление отразило абсолютно недопустимые для партийцев-чекистов и характерные для руководителей Ленинградского Управления НКВД элементы самоуспокоенности, притупляющие бдительность и остроту в борьбе с классовым врагом.

Троцкистско-зиновьевские контр-революционные элементы, гнездившиеся в значительном количестве в Ленинграде, лишь частично состояли на оперативном учете секретно-политического отдела. Активная зиновьевская контр-революционная группа **Румянцева, Левина, Котолынова** и др. формально числилась в разработке, фактически же продолжала свою контр-революционную деятельность и подготовку террористических актов.

Когда начальник секретно-политического отдела **Горин-Лундин** попытался в 1933 году, в связи с ликвидацией одной троцкистско-зиновьевской группы, поднять вопрос об аресте **Румянцева** и **Левина**, начальник управления **Медведь** не дал своей санкции на арест, не добился этого ареста и ничего не сообщил об этом б. ОГПУ СССР. Преступники остались на свободе, а **Горин-Лундин** счел вопрос исчерпанным. Действующей агентуры, освещающей деятельность контр-революционной зиновьевской группы, секретно-политический отдел не имел (л. д. 352).

Вышеупомянутые **Румянцев, Левин** и **Котолынов** были активными членами и руководителями Ленинградского центра контр-революционной террористической группы, подготовившей и осуществившей террористический акт над тов. **Кировым С. М.**

Таким образом, руководители Ленинградского управления НКВД **Медведь, Запорожец, Фомин** и **Горин-Лундин**, преступно-халатно относясь к своим обязанностям по охране государственной безопасности, не приняли мер к своевременному выявлению и пресечению деятельности контр-революционной террористической зиновьевской организации в Ленинграде.

ПРЕСТУПНОЕ ИГНОРИРОВАНИЕ СООБЩЕНИЙ СЕКРЕТНОЙ ОСВЕДОМИТЕЛЬНИЦЫ ВОЛКОВОЙ, НЕЗАКОННЫЙ АРЕСТ ЕЕ И ВОДВОРЕНИЕ В ПСИХИАТРИЧЕСКУЮ БОЛЬНИЦУ.

В августе—сентябре 1934 года секретная осведомительница центрального городского районного аппарата НКВД в Ленинграде **Волкова** сообщила сотрудникам, с которыми была связана, о наличии в Ленинграде целого ряда контр-революционных и террористических групп. В одном из сообщений **Волкова** говорила о подготовке террористического акта против тов. **Кирова**. По этим сообщениям районный аппарат НКВД повел разработку. На места были отправлены запросы, часть указанных **Волковой** лиц проверялась по Ленинграду. Сотрудники районного аппарата **Соколов** и **Комаров** докладывали разработку помощнику начальника СНО УГБ **Мосевичу**, который, однако, несмотря на серьезность разработки не придавал ей никакого значения, конкретных установок по разработке не дал, а при одном из последующих докладов оставил разработку у себя и держал без движения.

В это же время заявления **Волковой** с сообщениями о контр-революционных и террористических группах стали поступать и в Особый отдел УГБ. Заместитель начальника особого отдела **Янишевский** поручил проверку этих сообщений помощнику начальника 2-го отделения **Бальцевичу**, тот передоверил ее уполномоченному **Петрову**, а последний никаких конкретных мер к проверке сообщений не принял. Как **Янишевский**, так и **Бальцевич** и **Петров**, сразу же, без всяких к тому оснований, решили, что сообщения **Волковой** ложны. За **Волковой** установили наружное наблюдение и этим мешали ей нормально работать. Затем **Петров** вызвал **Волкову** на допрос и добился от нее признания в ложности ее донесений. После доклада об этом **Бальцевичу** и **Янишевскому**, последние распорядились арестовать **Волкову** и, как душевно-больную, по освобождении из ДПЗ, направить в психиатрическую больницу. **Петров** это распоряжение выполнил и, таким образом, разоблачительница контр-революционеров и террористов **Волкова** оказалась под арестом в больнице, а разоблаченные ею лица продолжали оставаться на свободе. **Волкова** была однажды принята и оперативным секретарем **Запорожца** — **Белоусенко**, который, выслушав ее жалобу на безответственное и бездушное отношение к ее сообщениям со стороны **Бальцевича** и **Петрова**, бюрократически направил ее к этим же последним. **Янишевский**, **Бальцевич**, **Петров**, **Белоусенко** и **Мосевич** проявили преступно-халатное отношение к своим обязанностям и нарушили приказы б. ОГПУ и НКВД об оперативной работе, требующие самой тщательной проверки всех агентурных сообщений. Халатно отнесся к своим обязанностям и помощник начальника особого отдела **Лобов**, не руководивший сотрудниками отдела, не проверявший их работы и запустивший вверенный непосредственно ему участок работы (л. д. 205).

Преступная самоуспокоенность руководства управления НКВД по Ленинградской области сказалась и в этом случае: руководство управления, в лице **Медведа**, **Запорожца** и **Фомина**, вместо того, чтобы лично проверить сообщения **Волковой**, доверилось аппарату (л. д. 16, 44, 44 об.).

Примечание. Все сообщения **Волковой**, при проверке НКВД, полностью подтвердились: установлено существование в Ленинграде шести контр-революционных и террористических группировок, а именно:

- 1) террористическая группировка в Ленинградской государственной филармонии;
- 2) террористическая группировка монархистов;
- 3) террористическая группировка **Богомолова**;
- 4) террористическая группировка **Ливанова**;
- 5) контр-революционная группировка беглого кулачества и
- 6) контр-революционная кулацкая группировка **Кабачинова** и др.

Арестовано по этим группировкам 44 человека.

НЕЗАКОННОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ БАЛЬЦЕВИЧЕМ СОЗНАВШИХСЯ ШПИОНОВ.

8-ым пограничным отрядом НКВД были арестованы и направлены в Ленинград муж и жена **Михеевы**. Оба сознались в том, что он, **Михеев**, по инициативе жены вошел в связь с латвийским консульством и получил от последнего задание собрать сведения о состоянии Ленинградской промышленности, особенно военной, для того, чтобы отвезти эти сведения в Латвию. Вследствие преступного отношения к делу, **Бальцевич Михеевых** освободил, а дело их прекратил, «не найдя оснований для предания их суду» (л. д. 301—303).

Руководители Ленинградского управления НКВД нарушили распоряжение Наркома Внутренних Дел о запрещении назначать на оперативные должности беспартийных сотрудников и держали на ответственной оперативной работе непроверенного ими **Бальцевича**, случайно проникшего в органы б. ОГПУ, имеющего за границей брата—белоэмигранта, майора польской армии, и сестру с крайне подозрительными связями, приезжавшую к нему на месяц в 1934 году из Польши.

Допрошенные в качестве обвиняемых: **Медведь Ф. Д., Запорожец И. В., Фомин Ф. Т., Горин-Лундин А. С., Губин А. А., Котомин М. И., Янишевский Д. Ю., Белоусенко А. М. и Мосевич А. А.** в предъявленном им обвинении признали себя виновными (**Фомин** — частично).

Бальцевич М. К., Петров Г. А. и Лобов П. М. виновными себя не признали, но халатное отношение к служебным обязанностям подтвердили.

На основании изложенного, **обвиняются**:

1) **МЕДВЕДЬ Филипп Демьянович**, быв. начальник управления НКВД СССР по Ленинградской области, 1890 г. р., член ВКП(б) с 1907 года, в органах б. ВЧК—ОГПУ, а затем НКВД с 1918 года.

2) **ЗАПОРОЖЕЦ Иван Васильевич**, быв. первый заместитель начальника управления НКВД СССР по Ленинградской области,

1895 г. р., член ВКП(б) с 1919 года, в органах б. ВЧК—ОГПУ, а затем НКВД с 1921 года и

3) **ФОМИН Федор Тимофеевич**, быв. второй заместитель начальника управления НКВД СССР по Ленинградской области, 1894 г. р., член ВКП(б) с 1917 года, в органах б. ВЧК—ОГПУ, а затем НКВД с 1919 года, — все трое — в преступно-халатном отношении к своим обязанностям по охране государственной безопасности, выразившемся:

а) в непринятии мер к должной охране члена Президиума ЦИК Союза ССР, члена Политбюро ЦК ВКП(б) и секретаря Центрального и Ленинградского комитетов ВКП(б) тов. **С. М. Кирова** и

б) в непринятии мер к своевременному выявлению и пресечению деятельности контр-революционной террористической зиновьевской группы в Ленинграде, т. е. — в преступлениях, предусмотренных ст. 193/17 п. «а» УК РСФСР.

4) **ГОРИН-ЛУНДИН Арон Соломонович**, быв. начальник секретно-политического отдела УГБ СССР по Ленинградской области, 1900 г. р., член ВКП(б) с 1926 года, в органах б. ВЧК—ОГПУ, а затем НКВД с 1919 г. в том, что, преступно-халатно относясь к своим обязанностям, не принял мер к своевременному выявлению и пресечению деятельности контр-революционной террористической зиновьевской группы в Ленинграде, — т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 193/17 п. «а» УК РСФСР.

5) **ГУБИН Александр Антонович**, быв. начальник оперативного отдела УГБ НКВД СССР по Ленинградской области, 1893 г. р., член ВКП(б) с 1918 года, в органах б. ВЧК—ОГПУ, а затем НКВД с 1919 года и

6) **КОТОМИН Михаил Иванович**, быв. начальник 4-го отделения оперативного отдела УГБ УНКВД СССР по Ленинградской области, 1891 г. р., член ВКП(б) с 1918 года, в органах б. ВЧК—ОГПУ, а затем НКВД с 1921 года, — оба в том, что, преступно-халатно относясь к своим обязанностям:

а) незаконно освободили, без проверки личности и без личного обыска задержанного при наблюдении за тов. **Кировым С. М.** и имевшего при себе револьвер и контр-революционную переписку террориста **Николаева Л. В.** и

б) не приняли мер к должной охране члена Президиума ЦИК Союза ССР, члена Политбюро ЦК ВКП(б) и секретаря ЦК и ЛК ВКП(б) тов. **Кирова С. М.**, т. е. — в преступлении, предусмотренном ст. 193/17 п. «а» УК РСФСР.

7) **ЯНИШЕВСКИЙ Дионис Юлианович**, быв. заместитель начальника особого отдела УГБ УНКВД СССР по Ленинградской области, 1898 г. р., член ВКП(б) с 1918 года, в органах б. ВЧК—ОГПУ, а затем НКВД с 1922 года и

8) **ПЕТРОВ Георгий Александрович**, быв. уполномоченный особого отдела УГБ УНКВД СССР по Ленинградской области, 1904 года рождения, член ВКП(б) с 1929 года, в органах б. ОГПУ,

а затем НКВД с 1932 года — оба в том, что, преступно-халатно относясь к своим служебным обязанностям:

а) игнорировали сообщения секретной осведомительницы **Волковой** о существовании в Ленинграде ряда контр-революционных и террористических групп и

б) незаконно арестовали **Волкову** и водворили ее в психиатрическую больницу, т. е. — в преступлении, предусмотренном ст. 193/17 п. «а» УК РСФСР.

9) **БАЛЬЦЕВИЧ Мечислав Константинович**, быв. помощник начальника 2-го отделения особого отдела УГБ УНКВД СССР по Ленинградской области, 1900 г. р., беспартийный, в органах быв. ВЧК—ОГПУ, а затем НКВД (с перерывами) с 1918 года, имеющий в Польше брата — офицера польской армии, в том, что, преступно-халатно относясь к своим обязанностям:

а) игнорировал сообщения секретной осведомительницы **Волковой** о существовании в Ленинграде ряда контр-революционных и террористических групп,

б) незаконно арестовал **Волкову** и водворил ее в психиатрическую больницу и

в) незаконно освободил сознавшихся шпионов-террористов **Михеевых**, т. е. — в преступлении, предусмотренном ст. 193/17 п. «а» УК РСФСР.

10) **МОСЕВИЧ Андрей Андреевич**, быв. помощник начальника секретно-политического отдела УГБ УНКВД СССР по Ленинградской области, 1903 г. р., член ВКП(б) с 1927 года, в органах б. ОГПУ, а затем НКВД с 1927 года и

11) **БЕЛОУСЕНКО Александр Макарович**, б. оперативный секретарь заместителя начальника УНКВД СССР по Ленинградской области, 1903 г. р., член ВКП(б) с 1926 года, в органах б. ВЧК—ОГПУ, а затем НКВД с 1920 года, — оба в том, что, преступно-халатно относясь к своим обязанностям, игнорировали сообщения секретной осведомительницы **Волковой** о существовании в Ленинграде ряда контр-революционных и террористических групп, т. е. — в преступлении, предусмотренном ст. 193/17 п. «а» УК РСФСР.

12) **ЛОБОВ Прокопий Максимович**, быв. помощник начальника особого отдела УГБ УНКВД СССР по Ленинградской области, 1898 г. р., член ВКП(б) с 1918 года, в органах б. ОГПУ, а затем НКВД с 1922 года, — в том, что халатно относился к своим служебным обязанностям и не осуществлял руководства и проверки действий сотрудников особого отдела, которые игнорировали заявления секретной осведомительницы **Волковой** о существовании в Ленинграде ряда контр-революционных и террористических групп, незаконно арестовали ее и водворили в психиатрическую лечебницу, т. е. — в преступлении, предусмотренном ст. 193/17 п. «а» УК РСФСР.

Вследствие изложенного, вышеназванные лица подлежат суду Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР.

Нач. СПО ГУГБ НКВД СССР
МОЛЧАНОВ.

Зам. особоуполномоченного
НКВД СССР **БЕРДИЧЕВСКИЙ.**

„У Т В Е Р Ж Д А Ю“

Заместитель Народного комиссара
внутренних дел Союза ССР **Г. ПРОКОФЬЕВ.**

г. Москва.

17 января 1935 года.

ПРИГОВОР

ИМЕНЕМ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК ВОЕННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР

в составе:

Председателя — В. В. Ульрих

Членов: И. О. Матулевич и И. Т. Голякова

при Секретаре Шапошникове.

без участия обвинения и защиты, рассмотрела 23-го января 1935 г., в закрытом судебном заседании, в гор. Москве, дело **по обвинению:**

1. **МЕДВЕДЬ Филиппа Демьяновича**, бывш. Начальника Управления НКВД СССР по Ленинградской области, 1890 г. рождения, члена ВКП(б) с 1907 года, в органах б. ВЧК—ОГПУ, а затем НКВД с 1918 г.;

2. **ЗАПОРОЖЕЦ Ивана Васильевича**, бывш. первого заместителя начальника Управления НКВД СССР по Ленинградской области, 1895 г. р., члена ВКП(б) с 1919 г., в органах бывш. ВЧК—ОГПУ, а затем НКВД с 1921 г.;

3. **ФОМИНА Федора Тимофеевича**, бывш. второго заместителя начальника Управления НКВД СССР по Ленинградской области, 1894 года рождения, члена ВКП(б) с 1917 года, в органах б. ВЧК—ОГПУ, а затем НКВД с 1919 г.;

4. **ГОРИНА-ЛУНДИНА Арона Соломоновича**, бывш. Начальника Секретно-Политического Отдела УГБ УНКВД СССР по Ленинградской области, 1900 г. р., члена ВКП(б) с 1926 года, в органах бывш. ВЧК—ОГПУ, а затем НКВД с 1919 г.;

5. **ГУБИНА Александра Антоновича**, бывш. Начальника Оперативного Отдела УГБ УНКВД СССР по Ленинградской области, 1893 г. р., члена ВКП(б) с 1918 г., в органах бывш. ВЧК—ОГПУ, а затем НКВД с 1919 г.;

6. **КОТОМИНА Михаила Ивановича**, быв. Начальника 4-го Отделения Оперативного Отдела УГБ УНКВД СССР по Ленинградской области, 1891 г. р., члена ВКП(б) с 1918 г., в органах бывш. ВЧК—ОГПУ, а затем НКВД с 1921 г.;

7. **ЯНИШЕВСКОГО Диониса Юлиановича**, бывш. заместителя Начальника Особого Отдела УГБ УНКВД СССР по Ленинградской области, 1898 г. р., чл. ВКП(б) с 1918 г., в органах бывш. ВЧК—ОГПУ, а затем НКВД с 1922 г.;

8. **ПЕТРОВА Георгия Алексеевича**, бывш. уполномоченного Особого Отдела УГБ УНКВД СССР по Ленинградской области, 1904 г. р., члена ВКП(б) с 1929 г., в органах бывш. ОГПУ, а затем НКВД с 1932 г.;

9. **БАЛЬЦЕВИЧА Мечислава Константиновича**, бывш. пом. начальника 2-го отделения Особого отдела УГБ УНКВД СССР по Ленинградской области, 1900 г. р., б/парт., в органах б. ВЧК—ОГПУ, а затем НКВД (с перерывами) с 1918 г.; имеющий в Польше брата — офицера польской армии;

10. **МОСЕВИЧА Андрея Андреевича**, бывш. помощника начальника Секретно-Политического Отдела УГБ УНКВД СССР по Ленинградской области, 1903 г. р., члена ВКП(б) с 1927 г., в органах ОГПУ, а затем НКВД с 1920 г.;

11. **БЕЛОУСЕНКО Александра Макаровича**, бывш. оперативного секретаря зам. начальника УНКВД СССР по Ленинградской области, 1903 г. р., члена ВКП(б) с 1926 г., в органах б. ВЧК—ОГПУ, а затем НКВД с 1920 г.;

12. **ЛОБОВА Прокопия Максимовича**, бывш. Помощника Начальника Особого Отдела УГБ НКВД СССР по Ленинградской области, 1898 г. р., члена ВКП(б) с 1918 г., в орг. быв. ОГПУ, а затем НКВД с 1922 года — всех двенадцати в преступлениях, предусмотренных ст. 193/17 п. «а» УК РСФСР.

Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР судебным следствием **установила** следующее:

Руководители Управления НКВД по Ленинградской области: Начальник Управления — **Медведь**, его заместители **Запорожец** и **Фомин**, Начальник Секретно-Политического Отдела — **Горин-Лундин**, Зам. нач. Особого отдела — **Янишевский** не проявили должной энергии и настойчивости в проведении в жизнь приказов и указаний ОГПУ и НКВД о перестройке оперативно-агентурной и следственной работы, в частности, совершенно недостаточно проверили качество агентурной сети, не уделяли должного внимания проверке агентурных сообщений и не вели должного инструктажа своих подчиненных.

В результате такого преступно-халатного отношения к служебным обязанностям **Медведя**, **Запорожца** и **Горина-Лундина**, — заинициативные контр-революционные элементы, находящиеся в Ленинграде, хотя частично и состояли на учете в Секретно-Политическом Отделе, но вследствие отсутствия должной агентурной разработки — активизировали свою контр-революционную работу и занялись подготовкой террористических актов.

Кроме того, **Медведь**, **Запорожец** и **Фомин** отнеслись преступно-халатно к организации охраны тов. **Кирова С. М.**: не приняли должных мер к укреплению оперативного отдела достаточно квалифицированным личным составом, не разработали письменных инструкций для лиц, несущих охрану тов. **Кирова**, и не выделили специального опытного комиссара для постоянной охраны тов. **Кирова**.

Кроме того, работа оперативного отдела не была увязана с другими отделами УГБ, взаимная информация между этими отделами о разработках о терроре отсутствовала, вследствие чего Оперативный Отдел не мог корректировать дело охраны.

Начальник Оперативного Отдела **Губин** и Начальник 4-го Отделения того же отдела — **Котомин**, на которого была непосредственно возложена охрана членов правительства, со своей стороны, не только не приняли в 1934 г. должных мер к улучшению дела охраны, но, преступно-халатно относясь к обязанностям службы, незаконно, без проверки обстоятельств задержания, освободили без личного обыска задержанного 15 октября 1934 г. сотрудником разведки, охранявшим тов. **Кирова**, террориста, члена Ленинградского контр-революционного террористического центра **Леонида Николаева**, явно наблюдавшего за т. **Кировым**, шедшим по улицам г. Ленинграда. Впоследствии выяснилось, что в момент задержания у **Николаева** имелся револьвер системы «Наган».

Осенью 1934 г., помощник начальника ОПО, **Мосевич**, получив от гражданки **Волковой** сведения о наличии в Ленинграде ряда контр-революционных террористических групп, в частности, о готовящемся террористическом акте против тов. **Кирова**, не придал этому материалу должного значения и держал этот материал без движения. Аналогичное заявление от **Волковой** в то же время поступило и в Особый Отдел НКВД Ленинградской области. Помощник начальника 2-го отделения Особого Отдела **Бальцевич**, которому Зам. Нач. ОО **Янишевский** поручил проверку этого заявления, сразу, без всяких оснований решил, что заявления **Волковой** ложны и поручил уполномоченному Особого Отдела **Петрову** вести разработку не в сторону уличения лиц, указанных **Волковой**, а в сторону доказательства ложности ее заявлений. За **Волковой**, по предложению **Бальцевича**, установили наружное наблюдение, что мешало ей вести дальнейшую разработку. Затем **Петров**, по предложению **Бальцевича**, арестовал **Волкову**, с целью добиться признания ею ложности своих заявлений.

Впоследствии **Волкова**, по предложению **Бальцевича**, с разрешения **Янишевского**, была направлена, без всяких к тому оснований, в психиатрическую больницу.

В период ведения разработки по заявлению **Волковой**, последняя жаловалась на преступно-безответственное отношение к ее заявлению оперативному секретарю Зам. Нач. Управления НКВД **Белουσенко**, который, вместо того, чтобы принять меры к действи-

тельной проверке ее жалобы, ограничился выслушиванием заявлений **Бальцевича** и **Петрова** о том, что проверка сведений **Волковой** показала, что они, якобы, ложны, а сама **Волкова**, якобы, психически-ненормальная.

Тот же **Бальцевич**, получив дело **Михеевых**, сознавшихся в том, что они дали согласие латвийскому консулу в Ленинграде, собирать шпионские сведения — латвийской разведке о состоянии Ленинградской военной промышленности, дело это незаконно прекратил и **Михеевых** из-под стражи освободил.

Помощник Начальника Особого Отдела ЛВО — **Лобов**, преступно-халатно относясь к своим служебным обязанностям, не руководил сотрудниками отдела, не проверял их работы, не перестроил работы с агентурой и совершенно не вел разработки по контр-революционной зиновьевской группе.

Таким образом, устанавливается виновность всех подсудимых по данному делу, в том, что они проявили преступную халатность к основным требованиям государственной безопасности, не приняв необходимых мер к охране т. **Кирова**, который и был убит 1-го декабря 1934 г., членом Ленинградского контр-революционного террористического центра Леонидом **Николаевым**.

Преступления подсудимых предусмотрены п. «а» 193—17 ст. УК РСФСР.

На основании изложенного, Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР —

ПРИГОВОРИЛА:

1) **БАЛЬЦЕВИЧА, Мечислава Константиновича** за преступно-халатное отношение к служебным обязанностям по охране государственной безопасности и за ряд противозаконных действий при расследовании дел — подвергнуть к заключению в концлагерь сроком на **десять лет**.

2) **МЕДВЕДЬ, Филиппа Демьяновича** и

3) **ЗАПОРОЖЦА, Ивана Васильевича** — за преступно-халатное отношение к своим обязанностям по охране государственной безопасности подвергнуть к заключению в концлагерь сроком на **три года** каждого.

4) **ГУБИНА, Александра Антоновича,**

5) **КОТОМИНА, Михаила Ивановича** и

6) **ПЕТРОВА, Георгия Алексеевича** — за преступно-халатное отношение к служебным обязанностям подвергнуть к заключению в концлагерь сроком на **три года** каждого.

7) **ФОМИНА, Федора Тимофеевича,**

8) **ГОРИНА-ЛУНДИНА, Арона Соломоновича,**

- 9) **ЯНИШЕВСКОГО**, Диониса Юлиановича,
- 10) **МОСЕВИЧА**, Андрея Андреевича,
- 11) **БЕЛОУСЕНКО**, Александра Макаровича и
- 12) **ЛОБОВА**, Прокопия Максимовича — за халатное отношение к служебным обязанностям подвергнуть заключению в концлагерь сроком на два года каждого.

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

П. п. Председатель — **В. Ульрих**.

Члены: **И. Матулевич** и **И. Голяков**.

Секретарь Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР
Шапошников.

12108
1825

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

МЕДВЕДЬ Филиппа Демьяновича

от 15 января 1935 года.

Медведь Филипп Демьянович, 1890 г. рождения. Отец рабочий, сам служащий, образование среднее. Член ВКП(б) с 1907 года. В других партиях не состоял. В органах ОГПУ—НКВД с 1918 г. До ареста Начальник Управления НКВД по Ленинградской области.

Вопрос: — Вопреки неоднократным указаниям и приказам бывш. ОГПУ и НКВД СССР об организации борьбы со всеми видами контр-революции, Вы, как Начальник Управления НКВД Ленинградской области исчерпывающих мер по обеспечению агентурно-оперативной работы по борьбе с контр-революцией не приняли, что подтверждается проверкой состояния работы специальной комиссией Наркомвнудела в октябре 1934 года и последним исследованием агентурно-оперативной деятельности на основе материалов расследования по делу убийства тов. **Кирова**.

Признаете ли Вы себя виновным в преступно-халатном отношении к делу организации борьбы с контр-революцией?

Ответ: — Да, виновным себя признаю.

Вопрос: — Состояние агентурно-оперативной и следственной работы в Управлении НКВД по Ленинградской области характеризуется не только преступным состоянием работы по борьбе с контр-революцией, но выявлено, что имели место элементы преступной самоуспокоенности, притупления бдительности к борьбе с контр-революцией.

Признаете ли Вы себя виновным в том, что не вели достаточной борьбы с этими явлениями?

Ответ: — Признаю, что обстановка была неспособствующей борьбе с контр-революцией. Я в этом повинен, потому, что у меня самого, как я теперь понимаю, были элементы самоуспокоенности, в результате чего основные линии оперативной работы были в запущенном состоянии.

Вопрос: — Приказом быв. ОГПУ № 1138 от 1932 года об агентурной работе Вы должны были перестроить агентурно-оперативную работу так, что, очистившись от двурушников и оставив в сети только работоспособную агентуру, — обеспечить своевременное вскрытие всех контр-революционных образований.

Признаете ли Вы себя виновным в том, что Вы не провели в жизнь этого приказа?

Ответ: — Да, признаю, что приказ в жизнь проведен мною не был.

Вопрос: — По указанию Наркома Внутренних Дел на оперативном совещании в июле 1934 года, Вы должны были перестроить всю агентурно-оперативную работу.

Признаете ли Вы себя виновным в том, что эти указания Наркома Вы в жизнь не провели?

Ответ: — Мы приступили к выполнению, но на деле эти указания ни в части агентурной работы, ни в части следственной работы, ни в части усиления борьбы с террором не провели.

Вопрос: — Вы должны были в осуществление указаний НКВД организовать фактический контроль над агентурно-оперативной работой. Как это практически Вами было осуществлено?

Ответ: — Фактического контроля над агентурно-оперативной работой я не проводил. Мое руководство заключалось в заслушивании докладов руководящего оперативного состава по агентурным и следственным делам и рассмотрении материалов и дел с отдельными сотрудниками, ведущими непосредственно эти дела.

Вопрос: — Следствие по делу убийства тов. **Кирова** выявило преступное состояние его охраны, являющейся серьезнейшей задачей Валшей личной, как Начальника Управления НКВД.

Признаете ли Вы себя виновным в халатно-преступном отношении к делу охраны тов. **Кирова**?

Ответ: — Виновным себя в этом признаю тем более, что дело охраны тов. **Кирова** находилось всегда в личном моем ведении.

Вопрос: — Получали ли Вы от НКВД в 1934 году указания об усилении охраны тов. **Кирова**?

Ответ: — Да, я имел разговор с тов. **Ягода** и он в связи с разговором о террористических делах указал мне, что я отвечаю головой за охрану тов. **Кирова**.

Вопрос: — Были ли разработаны подробные инструкции всем лицам о их обязанностях по охране тов. **Кирова**, а также общий план охраны тов. **Кирова**?

Ответ: — Инструкций письменных лицам, несущим охрану тов. **Кирова**, и общего плана охраны тов. **Кирова** не было.

Вопрос: — Почему Вы держали совершенно неспособных для несения ответственной задачи охраны тов. **Кирова** комиссара **Борисова** и Нач. Оперода **Губина**?

Ответ: — Я явно ошибся в поручении охраны **Губину** и безусловно считаю недопустимым, что держал на работе по охране **Борисова**.

Вопрос: — Была ли Вами организована постоянная увязка в работе Оперода с оперативными отделами (СПО, Особый отдел, УИВО) для систематической корректировки мероприятий по охране тов. **Кирова**?

Ответ: — Не была.

Вопрос: Проверялись ли Вами лично или Вашим заместителем посты охраны тов. **Кирова**?

Ответ: — Моим заместителем проверялись ли — не знаю, мною же проверки не проводилось, но посты я всегда видел, особенно возле квартиры тов. **Кирова**.

Вопрос: — Следствие по делу убийства тов. **Кирова** вскрыло наличие преступной халатности в деле борьбы с контр-революционными троцкистско-зиновьевскими элементами, в результате чего значительная часть этого контр-революционного актива осталась в Ленинграде нерепрессированной, при этом не была поставлена агентурная проработка их.

Признаете ли Вы себя в этом виновным?

Ответ: — Да, признаю себя в этом виновным и добавляю, что я не сумел добиться в Ленинграде ареста ряда контр-революционеров из троцкистско-зиновьевского актива, в том числе **Румянцева, Левина** и др. и не поставил этот вопрос перед быв. ОГПУ или НКВД.

В 1933 году я проводил изъятие наиболее активных контр-революционеров из лагеря троцкистов и зиновьевцев и не арестовал теперь известных по делу ленинградского зиновьевского центра **Румянцева, Левина** и др.

Признаю, что агентурная работа после арестов в 1933 году поставлена не была. При нормальной постановке агентурной работы контр-революционная деятельность зиновьевско-троцкистских элементов была бы вскрыта.

Вопрос: — Давались ли Вами после операции 1933 года указания **Горину** о необходимости организации агентуры, направленной на выявление контр-революционной деятельности зиновьевцев и троцкистов?

Ответ: — Указания **Горину** давались мною неоднократно.

Вопрос: — Проверяли ли Вы исполнение даваемых **Горину** по этому вопросу указаний?

Ответ: — На мои вопросы **Горин** мне неоднократно сообщал, что эти контр-революционные зиновьевско-троцкистские элементы не проявляют активной деятельности и что им намечается организация агентуры.

Вопрос: — Почему Вы не заставили **Горина** организовать вербовку агентуры на столь важнейшем участке нашей работы?

Ответ: — Доверился сообщениям **Горина** и не предпринял личной проверки имевшихся в СПО материалов.

Вопрос: — Известно ли было Вам о том, что в Особом отделе ЛВО был в составе секретной сети сын **Савинкова**?

Ответ: — Не знал.

Вопрос: — Приказами быв. ОГПУ № 1132 и 1138 Вы должны были руководить лично проверкой сети для выявления и репрессирования предателей и двурушников. Ныне арестованный **Савинков** является одним из организаторов контр-революционных террористических групп.

Признаете ли Вы себя виновным в грубом невыполнении указанных приказов?

Ответ: — Я лично не принял участия в исполнении этих приказов, поручив это дело моему заместителю **Запорожцу**, и не проверил исполнение с его стороны.

Виновным себя в этом признаю.

Вопрос: — Что Вам известно о подаче заявления **Волковой** в УНКВД Ленинграда с сообщением сведений о существовании в Ленинграде ряда контр-революционных групп с террористическими намерениями?

Ответ: — Мне известно от секретаря Ленинградского Обл. исполкома **Ильина** о том, что такое заявление в УНКВД Ленинграда было **Волковой** отправлено. Он же мне сообщил, что этим делом занимается **Запорожец**. Дальнейших шагов я по этому делу не предпринял, так как был уверен, что **Запорожец** все необходимое по этому делу сделает.

Кроме того, вспоминаю, что еще раньше о заявлении **Волковой** докладывал мне **Петров**, оперуполномоченный Особого отдела ЛВО, представляя **Волкову**, как человека, сообщающего провокационные, ложные сведения.

Доклада я его дослушать до конца не сумел, в связи с тем, что меня куда-то вызвали, и указаний я ему по этому делу не давал.

Вопрос: — Известно ли Вам, что заявительница **Волкова** была заключена под стражу?

Ответ: — Нет, неизвестно.

Вопрос: — Знали ли Вы, что заявительница **Волкова** после того, когда была освобождена из-под стражи, направлена была по записке, за подписью пом. нач. 2-го отделения Особого отдела ЛВО **Бальцевича** и оперуполномоченного того же отдела **Петрова**, в психиатрическую больницу?

Ответ: — Нет не знал.

Вопрос: — Признаете ли Вы себя виновным в том, что, несмотря на важнейшие сообщения **Волковой**, сами не заинтересовались этим делом и не проверили ее заявления по существу?

Ответ: — Да, виновным себя в этом я признаю.

Вопрос: — Признаете ли Вы себя виновным в том, что в данном случае так же, как и в деле организации агентурно-оперативной работы по контр-революционерам зиновьевцам и троцкистам, Вы проявили вредную для дела доверчивость к Вашему аппарату?

Ответ: — Да, виновным себя в этом признаю.

Вопрос: — Признаете ли Вы себя виновным в создании такой бесконтрольной системы, при которой совершенно безответственно **Петров** и **Бальцевич**, могли только за своей подписью гр. **Волкову** направить в психиатрическую больницу?

Ответ: — Да, виновным себя признаю.

Вопрос: — Приказами быв. ОГПУ и ныне Наркомвнудела запрещалось назначать на оперативную работу беспартийных — по Главному Управлению Государственной Безопасности. Вами был назначен пом. нач. 2 отд. Особого отдела ЛВО проходимец **Бальцевич**, имеющий подозрительные связи с Польшей. Признаете ли Вы себя виновным в грубом невыполнении указанных приказов?

Ответ: — Виновным себя в нарушении приказов признаю. Однако, что **Бальцевич** проходимец и имеет подозрительные связи с Польшей, я не знал. Назначен он был по представлению моего заместителя и Нач. Особого отдела ЛВО **Запорожца**.

Вопрос: — Считаете ли Вы нормальным, что вопреки указаниям НКВД о порядке назначения и проверке личного состава органов, Вы, лично, так же, как и Ваш заместитель, этому делу достаточного внимания не уделяли и сами лично не проверяли подавляющего большинства работников аппарата УНКВД?

Ответ: — Да, я такое положение вещей считаю ненормальным и виновным себя в этом признаю.

Вопрос: — Чем Вы объясняете такой развал агентурно-оперативной и следственной работы, о котором Вы показывали выше?

Ответ: — Прежде всего объясняю невыполнением основных приказов быв. ОГПУ и НКВД №№ 1138, 1132, 00325 и указаний Наркома Внутренних Дел тов. **Ягода** на оперативном совещании в июле мес. 1934 года. Не обеспечил я выполнение этих приказов, уделяя недостаточное внимание лично оперативной работе, размещаясь на целый ряд второстепенных мелочей, будучи очень загружен многими поручениями Облсполкома и Обкома. Также не малую роль в состоянии оперативной работы УНКВД по Ленин-

градской области сыграло то, что сработанности у меня с моим заместителем по оперативной работе **Запорожцем** не было, несмотря на то, что я, по-моему, давал все возможности **Запорожцу** вести самостоятельно оперативную работу, с которой он не справился.

Записано с моих слов и мне прочитано верно.

МЕДВЕДЬ.

Допросили:

Г. ПРОКОФЬЕВ.

Г. МОЛЧАНОВ.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

ЗАПОРОЖЦА Ивана Васильевича

от 14 января 1935 г.

Запорожец Иван Васильевич, 1895 г. рожд., из крестьян, образование среднее, член ВКП(б) с 1919 г., до вступления в ВКП(б) состоял в партии левых эсеров (боротьбистов), в органах НКВД с мая 1921 г. До ареста зам. нач. Управления НКВД и Нач. Особого отдела ЛВО.

Вопрос: Несмотря на неоднократные указания быв. ОГПУ и НКВД СССР об отсутствии серьезной борьбы со всеми видами контр-революции, Вы, как зам. начальника Управления НКВД по Ленинградской области и нач. Особого отдела Ленинградского Военного округа исчерпывающих мер по обеспечению агентурно-оперативной работы по борьбе с контр-революцией не приняли.

Признаете ли Вы себя виновным в преступно-халатном отношении к делу борьбы с контр-революцией?

Ответ: Признаю, что ПП ОГПУ, а потом Управление НКВД по Ленинградской области, несмотря на неоднократные и своевременные директивы быв. ОГПУ, а потом НКВД о борьбе с контр-революцией, с возложенными на него задачами не справилось.

Состояние работы по борьбе с контр-революцией находилось до последних событий (убийство тов. Кирова), и особенно в последний период, т. е. с половины 1934 года в таком положении, что его иначе характеризовать, как преступным, нельзя и я, как зам. начальника Управления НКВД и Нач. Особого отдела Ленинградского Военного округа, в этом виновен наравне с Начальником Управления НКВД **Медведем**.

Мою вину может смягчить, и то только за самый последний период, моя болезнь с начала августа 1934 г. вплоть до последнего дня.

Вопрос: Обстановка агентурно-оперативной и следственной работы в Управлении НКВД по Ленинградской области характеризуется не только преступным состоянием работы по борьбе с

контр-революцией, но и налицо имелись элементы самоуспокоенности, притупленности в борьбе с контр-революцией.

Признаете ли Вы себя виновным в том, что не вели достаточной борьбы с этими явлениями?

Ответ: Я признаю, что элементы самоуспокоенности в борьбе с контр-революцией на отдельных участках нашей работы были. Так, например, несмотря на очевидность, что у нас примерно с мая 1934 года по ноябрь 1934 г. в Секретно-Политическом Отделе было полное отсутствие серьезных дел, а в других Отделах были замедленные темпы оперативной работы, — мы не вскрыли причин и не приняли исчерпывающих мер к поднятию работы агентуры и чекистского состава сотрудников.

То, что мною предпринималось по части устранения этой самоуспокоенности и ликвидации указанной оперативной обстановки, как показали факты обследования конца 1934 г., — было недостаточно.

Вопрос: На какой почве выросла эта самоуспокоенность в борьбе с контр-революцией и что и кто способствовал ее росту?

Ответ: Выросла самоуспокоенность в борьбе с контр-революцией из уверенности, что этап острой классовой борьбы в конкретных условиях Ленинграда пройден. Носителями этих настроений в аппарате Управления НКВД являлись засидевшиеся люди в Ленинграде, как-то: в прошлом **Жупахин**, а ныне **Горин, Янишевский, Губин**.

Как на пример такой самоуспокоенности, могу указать на следующее: в 1933 году в аппарате существовала такая теория, что ленинградская деревня отлична от деревни средней и южной полосы Союза, что кулачество Ленинградской области отлично от кулачества других областей и что его роль в ленинградской деревне никогда не играла какого-нибудь политического значения. В результате этой теории на протяжении до конца 1932 г. по Ленинградской области не было вскрыто ни одной крупной деревенской контр-революционной кулацкой организации. Когда этому был дан решительный отпор и когда на этом вопросе было заострено внимание оперативного состава, в 1933 году по деревне мы вскрыли ряд к.-р. образований.

Работа в деревне по борьбе с контр-революцией (как потом показало Валдайское дело, дело о националистической контр-революции по эстонским и карельским районам и повстанческое дело на Новгородчине, вскрытые только в 1934 году) — поставлена еще и сегодня не на уровень политических задач.

Эту теорию я слышал от бывшего ленинградского работника **Степанова**.

Я считаю, что я этой теории давал отпор, не всегда получая поддержку со стороны **Медведа**, который вообще ставил ставку на эти старые кадры и не вел решительной борьбы с элементами самоуспокоенности, не добивался достаточной активизации борьбы с контр-революцией.

Моя вина в вопросах самоуспокоенности заключалась в том, что я не проявил нужной настойчивости в чистке носителей этих настроений.

Вопрос: Следствие по делу убийства тов. **Кирова** выявило преступное состояние его охраны, являющейся серьезнейшей задачей Управления НКВД по Ленинградской области.

Признаете ли Вы себя виновным в преступном отношении к делу охраны тов. **Кирова**?

Ответ: Виновным себя в этом признаю. Добавляю, что вопрос непосредственного руководства охраной тов. **Кирова** находился в руках **Медведа**.

Вопрос: Какие меры приняли Вы в осуществление указаний в свое время руководства быв. ОГПУ и в 1934 году НКВД об усилении охраны тов. **Кирова**?

Ответ: О специальных директивах по усилению охраны тов. **Кирова**, данных руководством быв. ОГПУ и в 1934 году Народным Комиссаром Внутренних Дел тов. **Ягода**, я знал.

Проведением мероприятий по усилению охраны тов. **Кирова** я занимался только в отсутствие **Медведа** и мер существенных к усилению охраны тов. **Кирова** не принял.

Я также виновен в том, что не настоял на недопущении на должность Начальника Оперода **Губина**, которого я считал непригодным для выполнения этой ответственной задачи. Эта виновность усугубляется еще и тем, что я не добился оставления в Опероде наиболее способного, по моему убеждению, для ведения дела охраны—Зам. Начальника Оперода **Баснакова**, переведенного в период моей болезни на работу в ЗАГС.

Вопрос: Следствие по делу убийства тов. **Кирова** вскрыло преступное отсутствие борьбы с контр-революционными зиновьевско-троцкистскими элементами.

Признаете ли Вы себя виновным в преступной халатности в деле борьбы с зиновьевско-троцкистскими контр-революционными элементами?

Ответ: Да, виновным себя в преступной халатности в деле борьбы с контр-революционными зиновьевско-троцкистскими элементами признаю. Виновен я и в том, что при проведении арестов по Союзу зиновьевско-троцкистских контр-революционных элементов в 1933 году, я не настоял перед тов. **Медведем** об аресте активных контр-революционеров зиновьевцев **Румянцева** и **Левина**, которые были намечены к изъятию, но не санкционированы их аресты **Медведем**, руководившим этой операцией.

Вопрос: Почему Вы не сообщили в Москву об отказе в аресте активных контр-революционеров зиновьевцев **Румянцева** и **Левина**?

Ответ: Поскольку этой операцией руководил **Медведь**, я считал, что все необходимые меры будут приняты **Медведем**.

Вопрос: Были ли предприняты меры к проверке агентуры, разрабатывающей **Румянцева** и **Левина**?

Ответ: Агентуру, разрабатывающую **Румянцева** и **Левина**, я лично не проверял.

Вопрос: После арестов троцкистско-зиновьевских контр-революционеров в 1933 г. давались ли Вами указания об активной разработке остающихся у Вас на активном учете зиновьевцев и троцкистов, в частности разработки **Румянцева**, **Левина** и др., арестованных по делу убийства тов. **Кирова**?

Ответ: Задания о разработке зиновьевско-троцкистских контр-революционных элементов и указанных лиц я давал **Горину**.

Вопрос: Какие Вы получили результаты по этим разработкам, в частности по **Румянцеву** и **Левину**?

Ответ: Заслушивая неоднократно с конца 1933 года до августа месяца 1934 г. о ходе разработок СПО, и в том числе контр-революционных троцкистско-зиновьевских элементов, и, в частности, разработки **Левина** и **Румянцева**, я существенных материалов в этих разработках не находил.

Вопрос: Оставались ли **Румянцев** и **Левин** после 1933 года на контр-революционных зиновьевских позициях?

Ответ: Насколько я помню, во все время разработки их после операции 1933 года, они фигурировали у нас, как актив зиновьевских контр-революционных сил.

Вопрос: Почему Вы не поставили вопрос об аресте **Румянцева** и **Левина** в 1934 году?

Ответ: Собирался в августе 1934 года проверить агентуру в СПО и поставить общий вопрос об арестах контр-революционеров зиновьевцев и троцкистов. Этого я в жизнь не провел ввиду болезни.

Вопрос: Приказом быв. ОГПУ № 1132—1932 года Вы обязывались лично проверить основную агентуру в оперативных отделах. Почему Вы, нарушив приказ, не проверили ее в Секретно-Политическом Отделе?

Ответ: Приказ я нарушил, не проверив в Секретно-Политическом Отделе агентуры, из-за недостатка времени, так как проверял агентуру Особого отдела, которую тоже до конца не успел проверить, а в других отделах проверил только единицы.

Вопрос: Ведь со времени издания приказа прошло больше двух лет. Какой же Вам нужен срок?

Ответ: Мне приходилось проверять агентуру не только в Ленинграде, но и на периферии, куда я единственный ездил по оперативной работе.

Вопрос: Приказами быв. ОГПУ № 1132, 1138 и указанием Наркома Внутренних Дел от 15/VII—34 т. Вы обязаны были очиститься от двурушников сети. Почему Вы нарушили указанные распоряжения, оставив в секретной сети Особого отдела ЛВО до последнего времени двурушника-террориста, сына **Савинкова**, ныне арестованного в Ленинграде?

Ответ: Агента сына **Савинкова** я не знаю.

Вопрос: В осуществление указанных приказов и распоряжений сколько Вами было выявлено и арестовано предателей и двурушников из состава секретных сотрудников?

Ответ: Цифры я сейчас не помню. Помню, что двурушники были вскрыты в значительном количестве в Карелии, Псковщине и эстонских районах.

Вопрос: Признаете ли Вы себя виновным в халатно-преступном отношении к заявлению гр-ки **Волковой**, о которой Вы знали от секретаря Ленсовета, в заявлении которой сообщалось о существовании контр-революционных террористических групп в Ленинграде?

Ответ: Мне от секретаря Ленсовета тов. **Назаренко** по телефонному звонку стало известно, что некая гр-ка **Волкова** имеет сообщить о существовании какой-то диверсионной группы. Я, будучи болен и затружен целым рядом работ, поручил моему оперативному секретарю тов. **Белоусенко** принять **Волкову**, разобраться с ее заявлением и согласовать нужные мероприятия по заявлению **Волковой**, с заместителем моим по Особому отделу т. **Янишевским**. **Белоусенко** после приема **Волковой** мне доложил, что в ее заявлении ничего актуального нет и что все эти вопросы известны в СПО и в Особом отделе. Я **Волкову** не принимал. Это случилось на второй или третий день после моего выхода из дому, когда я был занят проверкой подготовки нашей работы к 7 ноября.

Вопрос: Известно ли Вам, что заявительница **Волкова** была заключена под стражу?

Ответ: Нет, неизвестно.

Вопрос: Известно ли Вам, что заявительница **Волкова**, по записке **Бальцевича** — пом нач. 2-го отделения Особого отдела ЛВО, была направлена в психиатрическую больницу?

Ответ: Нет, неизвестно.

Вопрос: Признаете ли Вы себя виновным в неисполнении приказов быв. ОГПУ и НКВД в том, что держали на ответственной оперативной работе беспартийного, имеющего подозрительные связи с Польшей, — **Бальцевича**?

Ответ: Виновным себя в нарушении приказов признаю. Дополняю, что мне было доложено моим замом **Янишевским**, что перед последней чисткой дело о принятии в члены партии **Бальцевича** было оформлено и что после окончания чистки партии он должен был стать сочувствующим или кандидатом.

Записано с моих слов верно и мне прочитано

И. ЗАПОРОЖЕЦ.

Допросили:

Г. ПРОКОФЬЕВ.

Г. МОЛЧАНОВ.

14/І—1935 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

ГОРИНА-ЛУНДИНА Арона Соломоновича

от 14/I—1935 г.

Горин-Лундин А. С., 1900 г. рожд., урож. г. Минска, образование высшее, чл. ВКП(б) с 1926 г., в органах НКВД с 1919 года. До ареста работал Нач. СПО УТБ УНКВД по Ленинградской области.

Вопрос: Следствием по делу убийства тов. **Кирова** установлена Ваша преступная роль в борьбе с контр-революционными троцкистско-зиновьевскими элементами. Признаете ли Вы себя в этом виновным?

Ответ: Свою преступную роль я признаю в том, что не сумел вскрыть практические действия зиновьевской группы, совершившей убийство тов. **Кирова**.

Вопрос: Следствие по делу убийства тов. **Кирова** установило не только Вашу преступную роль в том, что Вы не смогли предотвратить террористический акт со стороны троцкистско-зиновьевской контр-революции, но и установило Вашу бездеятельность в агентурной работе, в Ваших мероприятиях по разгрому троцкистско-зиновьевских контр-революционных элементов, гнездившихся многими сотнями в Ленинграде?

Ответ: Признаю, что разгром к.-р. троцкистско-зиновьевских кадров в Ленинграде был недостаточен. Как начальник СПО, я в этом виновен.

Вопрос: Был ли у Вас поставлен учет контр-революционных троцкистско-зиновьевских элементов?

Ответ: Учет был поставлен.

Вопрос: Был ли у Вас в учете контр-революционных троцкистско-зиновьевских элементов выделен актив?

Ответ: Был.

Вопрос: Сколько у Вас, хотя бы, примерно, было на учете троцкистско-зиновьевского актива?

Ответ: Точно не помню, как будто бы около 200 человек

Вопрос: Разрабатывались ли Вами активные члены контр-революционной зиновьевской организации **Румянцев, Левин и Котолынов**?

Ответ: Все названные лица — **Румянцев, Левин, Котолынов** разрабатывались как зиновьевцы.

Вопрос: Было ли Вам известно об активных контр-революционных настроениях и деятельности разрабатываемых Вами **Румянцева, Левина и Котолынова**?

Ответ: Об активных контр-революционных настроениях и деятельности известно не было.

Вопрос: Как же Вам не было известно об активных контр-революционных настроениях и деятельности, когда Вы ставили вопрос об аресте **Румянцева и Левина** после ликвидации дела **М. Натансон и Я. Цейтлин**?

Ответ: Мне было известно, что они зиновьевцы, не отказавшиеся от своих взглядов, и на этом основании я ставил вопрос об аресте **Румянцева и Левина**. Ставил ли вопрос об аресте **Котолынова** Ивана — не помню.

Вопрос: Перед кем Вы ставили вопрос об аресте **Румянцева и Левина**?

Ответ: Я ставил вопрос об аресте **Румянцева и Левина** в 1933 году, после ликвидации троцкистско-зиновьевской группы **Натансон, Цейтлин** и др. перед **Медведем**. Последний их арест не санкционировал.

Вопрос: Продолжали ли Вы разработку **Румянцева, Левина и Котолынова** после несанкционирования Вам их ареста и какие результаты дала эта разработка?

Ответ: Продолжал разрабатывать, но никаких новых данных кроме тех, которые были раньше, не получил.

Вопрос: Продолжали ли разрабатываемые Вами **Румянцев, Левин и Котолынов** оставаться на зиновьевских позициях после 1933 года?

Ответ: Они продолжали оставаться на зиновьевских позициях.

Вопрос: Почему Вы после 1933 года, несмотря на то, что **Румянцев, Левин и Котолынов** остались по Вашим показаниям на зиновьевских позициях, — не поднимали вопрос об их аресте?

Ответ: Материалов об их активной деятельности, как зиновьевцев, новых после 1933 года у меня не было, поэтому вторично я об аресте их вопрос не поднимал.

Вопрос: Что же дала Вам разработка **Левина, Румянцева и Котолынова** с 1933 года?

Ответ: Разработка никакой активной работы **Румянцева, Левина и Котолынова** не выявила.

Вопрос: Почему Вы лично не ставили вопрос об аресте **Левина, Румянцева и Котолынова** и не отразили в документах в Москву ни до отказа в санкции на арест, ни после отказа в аресте?

Ответ: Я не ставил лично вопрос и не помню отражал ли я в документах, так как считал, что после отказа в аресте **Румянцева и Левина** этот вопрос заострять не следует.

Вопрос: Комиссия НКВД, обследовавшая Управление НКВД Ленинградской области в октябре 1934 года, указала Вам на отсутствие оперативной работы во вверенном Вам СПО, особенно в части агентурной работы. Каких результатов Вы достигли в осуществлении указаний Комиссии?

Ответ: За это короткое время я всех указаний Комиссии реализовать, конечно, не успел, но добился поднятия агентурной работы. Мною были конкретно ликвидированы несколько террористических разработок, из которых я помню дело **Китаина**, дело **Хлусова**, дело **Ларина** и др.

Вопрос: Было ли Вами не только со времени обследования последней комиссией НКВД в октябре 1934 года, но вообще во исполнение распоряжений НКВД за весь 1934 год ликвидировано хоть одно террористическое дело по зиновьевским контр-революционным элементам?

Ответ: Нет, ни одного дела по к.-р. зиновьевцам ликвидировано не было.

Вопрос: Приказом быв. ОГПУ № 1132 Вы обязывались к перестройке агентурной работы, в первую очередь, к очищению агентурной сети от двурушничества. Сколько двурушников Вы вскрыли и арестовали в Вашей агентурной сети по к.-р. антипартийным элементам?

Ответ: Не помню.

Вопрос: Почему Вы не проводили в жизнь приказ быв. ОГПУ № 00324 за 1933 год; приказ быв. ОГПУ № 1132 от 1934 года; приказ № 24 о следственной работе от 1934 г.; указания Наркома Внутренних Дел от 25/VII—34 г. Комиссия НКВД, обследовавшая в октябре месяце, это установила?

Ответ: Загруженность работой не позволяла полностью выполнить эти приказы.

Вопрос: Признаете ли Вы себя виновным в успокоенности, притуплении бдительности и остроты в борьбе с контр-революцией?

Ответ: Виновным себя в успокоенности, притуплении бдительности и остроты в борьбе с контр-революцией признаю.

Записано с моих слов верно, мною прочитано.

ГОРИН-ЛУНДИН.

Допросили:

Г. МОЛЧАНОВ.

БЕРДИЧЕВСКИЙ.

12905 188

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

ГОРИНА-ЛУНДИНА Арона Соломоновича

от 16/І—1935 года.

Горин-Лундин А. С., 1900 г. рожд., урож. г. Минска, образование высшее, чл. ВКП(б) с 1926 г., в органах НКВД с 1919 года. До ареста работал Нач. СПО УНКВД по Ленинградской области.

Вопрос: В показаниях от 14 января с. г. Вы признали себя виновным в успокоенности и притуплении бдительности и остроты в борьбе с контр-революцией.

Дальнейшим следствием по делу устанавливается, что Вы были одним из виновников создания настроений, тянущих оперативный состав УНКВД по Ленинградской области от борьбы с контр-революцией. Признаете ли Вы себя в этом виновным?

Ответ: Виновным себя в этом я признаю. Наиболее ярким выражением моих политически вредных настроений явилось мое выступление на совещании по итогам обследования комиссией НКВД СССР в конце 1934 года, когда я говорил, что на нас комиссия нападает напрасно, дела обстоят у нас не так плохо и что доказательством этому является отсутствие террора, массовых волынок на фабриках, отсутствие листовок и т. д. Тем более пагубным явилось это выступление, потому что я не получил от руководства УНКВД Ленинграда настоящего отпора, что оно не было политически вскрыто, а все обошлось без какой бы то ни было проработки меня, полусемейными упрёками со стороны **Запорожца**.

Вопрос: Приказами бывшего ОГПУ и НКВД по агентурно-оперативной работе Вы обязаны были лично, очистив агентурную сеть от двурушничества, иметь вновь организованные, преданные, способные к вскрытию контр-революционного подполья агентурные силы. Проверка комиссией НКВД и исследование работы по материалам дела убийства т. **Кирова** показывают Ваше преступное отношение к выполнению этих приказов.

Признаете ли Вы себя в этом виновным?

Ответ: Виновным себя признаю и в первую очередь виновен я в том, что на таком серьезнейшем участке борьбы с контр-революцией, как разгром контр-революционных сил троцкистов и зи-

новьевцев, я после ликвидации в 1933 году дела группы **М. Натансон, Я. Цейтлин** и др., не только не добился ареста таких контр-революционеров, как **Румянцев, Левин**, но и преступно отнесся к их агентурной разработке, не имея после ликвидации указанного дела в 1933 году агентурных сил для вскрытия их деятельности. А теперь для меня ясно, что если бы моя какая бы то ни была агентура, хотя бы один слабенький агент, входил в соприкосновение с **Румянцевым, Левиным** и др., то величайшее злодеяние — убийство тов. **Кирова** — могло быть предотвращено.

Вопрос: Были ли Вами обставлены агентурой, вербованной после ликвидации дела **М. Натансона, Цейтлина** и др., такие разрабатываемые люди, как **Румянцев** и **Левин**?

Ответ: Нет, агентурой обставлены не были, а отсюда и родилась моя уверенность в том, что они активной контр-революционной деятельности не ведут и я, будучи сам на неправильном пути в разработке указанных лиц, так информировал и **Медведя**.

Вопрос: Вы должны были лично, в соответствии с указаниями НКВД, осуществлять фактический контроль над работой каждого работника вверенного Вам Секретно-Политического отдела.

Как практически, на деле, Вы вели работу?

Ответ: Основная моя вина заключается в том, что я нарушал приказы НКВД, лично недостаточно работая с агентурой, и что в системе моего руководства работой доминировало администрирование.

Вопрос: Чем Вы объясняете такое возмутительное состояние агентурно-оперативной и следственной работы?

Ответ: Такое состояние в агентурно-оперативной и следственной работе я объясняю виновностью с моей стороны в том, что я сам не проводил и не обеспечил проведения в аппарате приказов быв. ОГПУ и Наркомвнудела №№ 1138, 1132, 24, 00325, а самое главное — не провел в жизнь указаний Наркома Внутренних Дел тов. **Ягода** на оперативном совещании в июле месяце 1934 года, очень часто отвлекаясь на вопросы, не связанные с агентурно-оперативной деятельностью, а связанные с выполнением отдельных поручений Обкома ВКП(б) и Облисполкома.

Записано с моих слов верно, мною прочитано.

ГОРИН-ЛУНДИН.

Допросил

Г. МОЛЧАНОВ.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

ЯНИШЕВСКОГО, Диониса Юлиановича;

от 22 декабря 1934 г.

Вопрос: Вы были заместителем начальника Особого отдела в Ленинграде, как Вы попали в Россию?

Ответ: Я родился в Польше, в Варшаве, где я работал в 1915 г. учеником в одной торговой фирме Гродзицкого, продававшей детские игрушки. По вечерам я учился в Торгово-Коммерческой школе.

В 1915 г. я прибыл из Варшавы в Москву. В конце 1915 г. хозяин ликвидировал дело, меня уволил. После этого я был безработным, затем устроился в Москве на арматурном варшавском заводе. Туда я поступил работать табельщиком, а потом — рабочим на станке. И так до Февральской революции. После Февральской революции этот завод закрылся и я с группой рабочих переехал в Петроград в поисках работы. Это было в 1917 г. Здесь некоторое время я был безработный, пытался поступить на некоторые заводы, но ничего не вышло. Потом поступил на работу в Онежское пароходное общество в качестве счетовода. Там я проработал до того момента, пока меня не арестовали. После июльских событий, я с группой матросов принимал участие в переброске на буксирах группы демонстрантов, среди которых оказались один или два большевика. Всех нас потом арестовали, в том числе и меня.

После Октябрьской революции, в связи с открытием Пролеткульта в Ленинграде, я стал там работать. Сперва на хозяйственной работе, одновременно учась в литературной студии. Отсюда переехал в Москву, а потом уже в Тулу, где я работал в Всероссийском Пролеткульте, и нас туда перебросили на организацию рабочего Пролеткульта в Тульской губернии; а потом на оружейном и патронном заводах.

Вопрос: Каким образом Вы вступили в партию?

Ответ: Я вступил в партию в 1918 г. в Туле; меня все знали, как человека настроенного большевистски; в тюрьме я получил большевистскую зарядку. Товарищи настаивали на том, чтобы я оформился, я чувствовал, что вполне могу быть членом партии. Мой первый учитель — Василий Васильевич **Игнатов**. Он и дал мне рекомендацию.

После этого, в связи с набегом Мамонтова, я был мобилизован в армию. Тульский Горком направил меня в распоряжение Епи-

фанского уездного комиссара. Там я так и застрял. Председателем Укома там был **Невернов**.

Тогда я там организовал пролеткульт уездный и на Бобриковских шахтах и до следующей партийной мобилизации, до 1920 г. там я работал в пролеткульте в Упрофбюро, Унаробразе. Был также членом Исполкома и членом Президиума партийного комитета.

В 1920 г. был мобилизован и направлен в распоряжение Польбюро ЦК, которое меня направило в Минск, откуда получил назначение в Агит. поезд им. «Красноармеец». Там, на этом поезде, я пробыл до окончания войны с поляками. После окончания войны меня опять направили в распоряжение Польбюро ЦК и я получил назначение на должность председателя Польсекции (тогда — Польбюро) при Петроградском Губкоме. После этого, к концу 1921 г. — к началу 1922 г., когда основные массы беженцев и военнопленных уехали, меня Губком направил в распоряжение ЧК, которая меня направила в Особый отдел Ленинградского Военного округа, где я работал уполномоченным иностранного отдела. Итак, с 1922 г. я все время в органах ЧК.

До 1924 года работал в Ленинграде. В 1924 г. был переброшен в Псковский Губотдел, оттуда в 1927 г. был переброшен в Западную область начальником 11-го погранотряда до 1929 г., когда опять был переброшен сюда, в Ленинград.

Вопрос: Родственники у Вас за границей есть?

Ответ: Мать — не знаю жива ли, или нет; брат и еще младший брат — тоже не знаю живы, или нет. Никакой связи не имею.

Происхожу из рабочей семьи. Отец сапожник, брат — сапожник, вся семья — сапожники. Связи никакой не имею. Тут приезжал один чекист из Варшавы и передавал, что будто бы брат безработный, но определенных данных не имею.

Вопрос: Все время Вы специализировались по osobистской линии?

Ответ: Да. На фронтах, в боях непосредственно не пришлось участвовать, работал только, как политработник в поезде; комиссаром поезда был **Рабинович**.

Вопрос: Были ли у Вас партвызыскания?

Ответ: Не было.

Вопрос: С оппозицией не шутался?

Ответ: Нет, никогда.

Вопрос: Какой у Вас круг знакомства в Ленинграде и с кем Вы в дружбе состояли?

Ответ: Круг личных знакомств у меня был незначительный, вся моя жизнь замыкалась зданием НКВД и моей квартирой. Основные мои личные связи — это чекистские. Есть у меня близкий друг, это **Гних**, старый подпольщик, шлиссельбуржец, с которым единственно у меня хорошие личные отношения. И еще — отец жены.

Вопрос: А жена кто?

Ответ: Жена тоже из Польши, дочь коммуниста — подпольщика, члена партии с 1904 г. Фамилия его — **Добржицкий**. Он сейчас Зам. директора химического института.

Вопрос: С кем из поляков, из членов партии, активных участников польского движения Вы были связаны и что Вы знаете о тех принципиальных разногласиях, которые были перенесены из польской компартии сюда, на русскую почву?

Ответ: По моей работе в Ленинградской секции Польбюро ЦК я участия в этом не принимал. Смутно припоминаю, что на одном Всероссийском съезде поляков в 1921 г. периферийные представители ярко выступали против руководства Польбюро, но это было всё так беспринципно, так жалко, что не было никаких последствий. Съезд прошёл очень хорошо. Так что в самой драке я не принимал участия.

Вопрос: Бальцевича знаете?

Ответ: Да, знаю.

Вопрос: Что Вы о нем знаете?

Ответ: По работе я его знаю с очень положительной стороны. Это человек, который отличался очень большой энергией, ударником был. Это не только мое личное мнение, но и товарищи его таким знали. Работник, который выполнял все мои задания всегда четко. Я до этого момента, до этого несчастья был о нем очень хорошего мнения. Человек, который никогда не подводил, всегда очень четко и быстро выполнял поручения и которому можно было верить.

Сам он — беспартийный. Собственно, его выделяющееся качество работы — оно явилось условием того, что его выдвинули в Пом. Нач. отделения.

Вопрос: У Вас не было сомнений насчет его преданности?

Ответ: Нет, никогда не было. Наоборот, он был очень активный человек и в аппарате его любили за это.

Вопрос: Вы знали из какой семьи он происходит?

Ответ: Да, я это знал. Это же известно и по личному делу. Я знал, что его брат служит в польской армии. В каком чине — не знаю. Но знал, что связи с семьей **Бальцевич** не поддерживает. Знаю, что сестра **Бальцевича** приезжала из Польши в Ленинград.

Вопрос: Вы разрешили это?

Ответ: Нет, помню, что я получил рапорт **Бальцевича**, кажется, через **Денисевича** о том, что сестра его (**Бальцевича**) хочет приехать сюда. Я помню, вызвал **Бальцевича** и сказал, что ее проезд недопустим и запретил. Потом она все же приехала. Почему, не помню. Тогда я вызвал лично **Бальцевича** и, исходя из того, что она уже здесь, высказал подозрения — не агент ли это разведки

и приказал, чтобы он ни в коем случае ни на шаг не отпускал ее от себя, поскольку он тогда был в отпуску в Ленинграде.

Вопрос: Вы считаете правильным такое распоряжение, чтобы он не спускал с нее глаз, а стало быть встречался с ней, разговаривал и т. д. А не лучше было бы вашему аппарату не спускать с нее глаз, ни с нее, ни с него?

Ответ: Это, конечно, лучше было бы. Но я, исходя из того, что доверие у меня к нему не поколебалось и поскольку она у него на квартире остановилась — поэтому я дал такое распоряжение.

Вопрос: Вы особист, у Вас есть опыт работы, какая же у Вас была гарантия, что она не разведчица. Ведь удобства здесь для разведки были очевидными. Сестра **Бальцевича** прожила здесь месяц, ведь по чекистски ясно, что надо было быть осторожным.

Ответ: Я именно доверял **Бальцевичу**. У меня в отношении его даже тени подозрения не возникло, зная, что наоборот — если она будет проводить шпионскую работу, то он ее немедленно разоблачит. Конечно, теперь я вижу, что строго говоря, я должен был бы установить за сестрой **Бальцевича** наблюдение по-строже.

Вопрос: Почему же у Вас была такая уверенность в **Бальцевиче**?

Ответ: Я исходил из того, что у меня лично было к нему большое доверие. Я был убежден, что он, как старый чекист, проверен на работе и вне подозрений. У меня сложилось такое убеждение, что **Бальцевич** может только помочь в разработке сестры.

Вопрос: Теперь расскажите по существу, по делу **Волковой**. Мы вчера предъявили **Бальцевичу** такое обвинение, что он по заявлениям **Волковой** сознательно потушил все дело.

Ответ: Мне трудно сказать, что это им было сознательно, организовано сделано. Как я вижу теперь, это можно отнести (я не знаю всех данных следствия) за счет притупления бдительности **Бальцевича**, притупления чекистского восприятия, беспартийного отношения к острому политическому вопросу. Это мое личное мнение. Не допускаю, чтобы здесь сознательно организовано было такое страшное дело.

Вопрос: Но сама по себе фактическая сторона дела очень подзрительна. И у нас сложилось впечатление, что именно сознательно было прекращено дело на тех, о ком заявляла **Волкова**, а сама она была умышленно затравлена и помещена в дом для сумасшедших.

Признаете ли Вы, что умышленно не приняли никаких мер проверки заявлений **Волковой**?

Ответ: Я действительно не принял никаких мер личной проверки заявлений **Волковой**, не проверил какие и как принимаются меры **Петровым** и **Бальцевичем**, но с моей стороны получилось это не умышленно.

Вопрос: Петров показывает, что он заявил Бальцевичу о том, что он Вам доложил, что надо установить наружное наблюдение над Коршуновым, на это Бальцевич сказал, что не надо, я сам договорюсь с Янишевским, при чем, когда мы Бальцевича допросили, так он заявил, что он не исключает этой возможности и ссылается на то, что в его распоряжении в это время не было свободного звена разведки.

Ответ: Я помню, что я велел снять звено с свободного объекта и поставить наблюдение за одним из тех, на кого Волкова указывала, как на участника к.-р. организации.

Вопрос: Известно ли Вам, что это наблюдение не было поставлено. Бальцевич показывает, что он обещал Петрову добиться у Вас отмены этого распоряжения. Петров это тоже подтверждает. Вы считали заявления Волковой ложными, зачем же Вы потом, 1-го декабря, арестовали всех тех людей, которых Вы раньше сочли оклеветанными Волковой?

Ответ: 1-го декабря я болел, но был вызван в Управление. Медведь мне приказал произвести ликвидацию разработки Волковой и я сам считал, что ее действительно нужно еще раз оперативно-следственным путем проверить, в свете происшедшего события. Тут нужно понять еще мое состояние — почему я считал нужным это сделать. Как раз в это время случилось так, что по существу я был оторван от аппарата: во время возникновения разработки я болел, у меня были припадки, в больнице лежал, — все это, собственно, послужило причиной к тому, что я, когда приступил к работе, отнесся к такому делу верхоглядски — надо прямо сказать.

Когда произошло событие 1-го декабря, для меня совершенно ясно стало, что нельзя ограничиваться тем, что было сделано, поэтому что я сам лично не проверял. Я доверился людям и ограничился лишь докладами. И в этот напряженный момент у меня заговорила совесть, что надо искать и здесь, потому что мало ли что может быть. И хотя бы там и проверено было, и ставки отныне, и наружное наблюдение — вместе с тем я считал, что поскольку сам лично я не проверил, то это недостаточно и что надо проверить оперативно-следственным путем.

Вопрос: Не такая-ли это совесть, чтобы себя уберечь?

Ответ: Нет, аресты были произведены по распоряжению т. Медведь и какой-либо страховки с моей стороны не могло быть.

Вопрос: Вам известно, что по этому заявлению Волковой не только арестован, но что один расстрелян?

Ответ: Да.

Вопрос: Вы расскажите подробно, как Вам стало известно дело Волковой и Ваше участие и роль в этом деле.

Ответ: Мне стало о нем известно в двадцатых числах сентября, после возвращения из больницы, первоначальная проверка происходила без меня. Потом мне Бальцевич доложил, что это дело воз-

никло и что после тщательной проверки оказалось все это провокацией, так как установлено, что, во-первых, она писала еще раньше в Райотделение и там ее разоблачили, выяснили, что она провокационными донесениями занимается; во-вторых, когда за ней установили наружное наблюдение, то не подтвердились ее последующие донесения; в третьих, она когда была в аппарате с письмом от **Маслякова**, сказала, что должна поговорить с **Коршуновым** по телефону и позвонила по телефону, а в это время **Бальцевич** и **Петров** включились в линию и в соседней комнате слушали разговор. И выяснилось, что там телефон молчал, а она продолжала разговаривать, будто с ней говорит человек. Почему-то именно этот момент на меня произвел наибольшее впечатление. Она явно врала, говоря по телефону. Вообще, мне был доложен целый ряд таких фактов, которые характеризовали провокацию.

Я вызвал еще **Петрова** и тогда, кажется, сказал, чтобы установить наблюдение за **Коршуновым**, и приказал найти, кажется, какого-то **Смирнова** или **Баркова**, на которого она ссылалась, что, якобы, он научил ее составить провокацию.

Потом меня опять не было, но после возвращения докладывают, что опять все выяснено, что нашли милиционера, что этот милиционер подтвердил, что действительно писал под диктовку **Волковой** письмо к **Коршунову**, и что она созналась в том, что ее научил составить провокацию уголовник **Смирнов**. На этом все было закончено. И **Бальцевич** и, особенно, **Петров** доказали мне это, причем, говорили, что она производит впечатление человека ненормального.

Вопрос: Почему не произвели обыск в тех местах, где она указывала?

Ответ: Мне говорили, что обыск проводили, но не во всех местах и ничего не нашли.

Моя ошибка тут в том, что я не перепроверил всех этих фактов информации **Бальцевича** и **Петрова**, не проверил их проверочных мероприятий. Меня информировали **Бальцевич** и **Петров**, но я не проверял их.

Вопрос: Зачем было привлекать **Волкову** к ответственности за клевету? И почему она была арестована?

Ответ: Я помню, что это произошло таким образом, ведь мне докладывали, что все заявления **Волковой** ложны, и что она сознательно с уголовником **Смирновым** провоцировала, что все объекты оказались ни в чем не виновными. И за провокацию, за ложный донос решили ее задержать и направить в Особое Совецание. А потом прокурор вынес на суд это дело.

Вопрос: А Вы хорошо помните—прокурор или **Бальцевич** предложил это дело?

Ответ: Нет, кажется, прокурор. В деле должно быть все это.

Вопрос: Считали ли Вы основательным привлечение к уголовной ответственности по обвинению в клевете заявительницы **Волковой** даже в том случае, если ее данные не подтвердились?

Ответ: Теперь я понимаю, что арест **Волковой** был неоснователен, тем более, что здесь мы имеем дело не с врагом рабочего класса, а с работницей.

Вопрос: Вы сами считаете, что не имели права это сделать, а все таки отправили?

Ответ: Конечно, все мои доводы не снимают с меня ответственности. Я прекрасно представляю себе весь ужас положения, но случилось так, что как раз в этот период времени я был болен и перегружен работой. Ведь неслыханная вещь, чтобы в Особом отделе был только один заместитель начальника без освобожденного помощника. На протяжении 8-ми месяцев я был один, помощника у меня не было. Ведь все мои предшественники всегда имели помощников, освобожденного помощника, который оказывал им прямую помощь. Здесь же, в течение 7-8-ми месяцев я был один. Аппарат у меня был огромный (говорю об этом потому, что Вы разбираетесь в этом деле со всех точек зрения, чтобы выяснить насколько я бюрократ или чиновник), будучи один, не имея никакой прямой помощи в аппарате, я должен был всеми отделениями руководить один. В каждом отделении возникало ежедневно до сотни вопросов. После приезда из отпуска о своем тяжелом положении я заявил т. **Запорожцу**. После обследования работы т. **Мионовым** я должен был участвовать в перестройке всего аппарата, вплоть до работы на конспиративных квартирах и личного участия в следствии. В сентябре, октябре и ноябре месяцах как раз был такой момент, когда я действительно был в ужасающем физическом состоянии. Мне ночами приходилось находиться в отделе, чтобы не упустить каких-либо моментов в работе моего аппарата.

Вопрос: Вы объясняете все создавшееся положение Валшей занятостью на работе?

Ответ: Были моменты, когда я на работе падал в обморок, работал при температуре 38°. В начале октября был немецкий процесс, поэтому я должен был оторваться на 6—7 дней от аппарата. Все это стечение обстоятельств, конечно, отразилось на этом деле.

Вопрос: Нужно понимать Вас так, что все это случилось благодаря Валшей занятости?

Ответ: Правда, это звучит грубо и неоправдательно для меня, но во всяком случае получилось это не оттого, что я был чиновником, бюрократом, который сознательно подошел так халатно к этому делу. Совсем не потому, что я был лентяем. Конечно, очень тяжело говорить об этом.

Вопрос: Скажите, каким образом и при каких обстоятельствах был решен вопрос о направлении **Волковой** в психиатрическую лечебницу?

Ответ: Тут нет у меня конкретной ясности, но санкцию для проверки ее умственной полноценности я, насколько помню, дал лично сам, только не помню, то ли мне докладывали, что ее врач

предварительно осматривал, то ли потому, что **Бальцевич** и **Петров** считали нужным поместить **Волкову** в психиатрическую лечебницу.

Вопрос: Кто Вам докладывал?

Ответ: Мне докладывал **Бальцевич**. На второй день мне доложили, что врач признал **Волкову** психически ненормальной и требуется продолжительное испытание.

Вопрос: Считаете ли Вы, что определение врача о том, что **Волкова** является психически ненормальной, нужно было тщательно проверить?

Ответ: Я должен был сам это дело проверить.

Вопрос: На каком основании Вы не занялись проверкой сведений, данных **Волковой**, тем более, что там шла речь о к.-р. организации с террористической окраской?

Ответ: Я доверился **Петрову** и **Бальцевичу**, информировавшим меня, что тут все ясно и проверено и что никаких подозрений нет. В общем это меня и сбilo с толку.

Вопрос: Помните ли Вы фамилии проходящих по заявлению **Волковой**, как участников к.-р. организации. Каких лиц Вы персонально помните?

Ответ: Я помню: **Ливанова**, **Маслякова**, **Коршунова** и **Иванова**, других фамилий не помню.

Вопрос: Среди названных Вами лиц есть Ваши знакомые?

Ответ: Нет. Я уже много думал о **Маслякове**, о котором Вы меня ранее допрашивали, но никак не могу вспомнить, может быть я где-нибудь случайно встречался с кем-либо из них?

Вопрос: Нет у Вас знакомого по фамилии **Масляков**?

Ответ: Нет.

Вопрос: А по фамилии **Ливанов** есть знакомый?

Ответ: Нет.

Вопрос: Есть у Вас знакомый по фамилии **Коршунов**, работающий в Смольном?

Ответ: Нет, но меня очень многие знают по фамилии и должности, так как я в Ленинграде работаю пять лет. Меня знают все командиры частей Ленинградского гарнизона. Меня знают почти в каждом учреждении, каждый заведывающий секретной частью. В Смольном я также часто бывал, но такого не знаю. Я уже все перебрал, даже на тот случай, что кто-нибудь из них был моим агентом, но и здесь ничего припомнить не удалось.

Вопрос: В материалах, которые имеются по данному делу, устанавливается, что именно **Коршунова**, а не **Маслякова** Вы знаете. (Он ссылается на знакомство с Вами, он считает знакомство с Ва-

ми гарантирующим от всякого рода подозрений. Признаете ли Вы это или нет?

Ответ: Нет. Я абсолютно не знаю **Коршунова**. Если бы я знал, то почему я должен это скрывать? Я вполне серьезно отношусь к этому делу и смешно было бы скрывать такие моменты.

Вопрос: Чем объясняете тот факт, что **Коршунов** ссылается на Вас?

Ответ: Не знаю. Самое лучшее пусть он придет сюда и скажет, как он меня знает.

Вопрос: Вам известно было относительно того, что в последней стадии своих заявлений, накануне направления **Волковой** в психиатрическую лечебницу, она сообщила, что к к.-р. организации имеет отношение **Зверев**, начальник отделения СПО?

Ответ: Это известно мне не было.

Вопрос: Никто Вам этого не докладывал, но это является приметным фактом, причем в сводках он имеется и вряд ли может быть так, что Вам об этом не докладывали?

Ответ: Нет, не помню, вероятно, мне не докладывали этот факт, так же, как не докладывали о том, что **Волкова** служила в германском консульстве, и узнал я об этом только на следствии.

Вопрос: Вы не знали ни первого, ни второго, ни третьего факта, вообще Вы такого дела не знали, так получается по Вашему?

Ответ: Я дело знал на основе докладов. Мое преступление заключается в том, что я не занялся сам лично этим делом. Я должен был лично просмотреть и проверить это дело. В этом моя вина.

Вопрос: Было ли Вам известно о том, что на основании сообщения **Волковой** в Смольнинском Райотделении было заведено агентурное дело под названием «Зеленые»?

Ответ: Мне это известно не было. Мне было известно, что она что-то писала в Райотделение и все оказалось ложным.

Вопрос: Однако, Смольнинское Райотделение в лице **Соколова** и **Комарова** верили сообщениям **Волковой** и были крайне недовольны тем обстоятельством, что в Областном аппарате по этим сообщениям ничего не делается.

Ответ: Если бы я об этом знал, то может быть я сам лично проверил бы это дело, но никакой претензии ни откуда ко мне по этому делу предъявлено не было, а **Бальцевич** и **Петров** информировали меня, что там все проверено и установлено, что, якобы, **Волкова** занимается клеветой.

Вопрос: Каким образом Вы составили оперативный лист на производство ареста 1 декабря 1934 года?

Ответ: Получилось так, меня вызвали с квартиры и предложили заняться допросом **Николаева**. Я все время сидел и занимался с ним, потом меня вызвал т. **Медведь** и предложил ликвидировать дело **Волковой**. Поскольку я был занят допросом **Николаева**, я вызвал своего помощника и нач. 3 отделения **Лобова**, сказав: «Немедленно брось свою работу и садись на арестованных по заявлению **Волковой**».

Вопрос: Вы получили задание ликвидировать все террористические разработки или только эту?

Ответ: Эту разработку и еще было 3 разработки по «Т».

Вопрос: **Медведь** знал о том, что это дело у Вас расценивается, как провокационное?

Ответ: Да, знал.

Вопрос: Чем объясняете, что **Медведь** дал такое распоряжение?

Ответ: Вероятно, тоже не было уверенности, что проверка была исчерпывающей.

Вопрос: Видели ли Вы непосредственно хотя бы один документ по этому делу?

Ответ: Да, я видел письмо и ее заявление.

Вопрос: Видели Вы и читали ли данные, собранные Вашим аппаратом, о социальном составе людей, подозреваемых в участии в к.-р. организации?

Ответ: Я интересовался, что представляют из себя эти люди, но мне сообщили, что произведена проверка и, что ни на кого из них никаких подозрений нет, по нашему выражаясь, все «чистые».

Вопрос: Каким образом была проведена проверка?

Ответ: Не знаю, потому что я лично этого не перепроверял.

Вопрос: Была ли произведена специальная проверка или рядовая, путем наведения справок в Уголовном Розыске, УСО, собиранием свидетельских показаний и т. д. Вы этого не знаете?

Ответ: Мне докладывали, что проверка была всесторонняя, но этого я лично не проверил.

Вопрос: У Вас к 1 декабря в портфеле, кроме этого дела, имелось всего еще два очень тощеньких террористических дела. Почему Вы лично не занялись этим делом?

Ответ: Я сам лично допрашивал, принимал личное участие по другим делам, но тут я замотался, но, конечно, это не оправдание с моей стороны, и я с себя вины не снимаю.

Вопрос: Накануне 7 ноября вспомнили ли Вы о том, что есть данные о терроре по заявлению **Волковой**? Почему Вы эту груп-

пу не изолировали накануне 7 ноября? Почему Вы не розыскали **Маслякова**, который является одним из этих лиц?

Ответ: Меры были приняты, но его не розыскали.

Вопрос: Почему мы его теперь розыскали, а Вы не могли?

Ответ: Это — та же успокоенность в отношении этого дела. Но прошу опять учесть мое состояние и огромную загрузку. В октябре месяце у нас было дело **Ульянова «поджигатели»**, это карельское дело, очень серьезное и я взялся сам лично его вести. Я понимаю, что только так, лично нужно работать. Я сидел над этим делом днями и ночами. Накануне Октябрьских праздников зам. нач. штаба **Янишевский** и нач. штаба **Фомин** должны были провести всю организационную работу. 6 ноября агенты сообщили, что готовится покушение (по делу **Китаина**), где я опять лично сам занялся этим делом. Я понимаю, что иначе и нельзя работать. По ряду дел Вы можете судить, что я сам работал не мало. Сейчас я сам себе удивляюсь, как я мог допустить такой промах в этом деле. Я думаю, что это объясняется моим болезненным состоянием и неимоверной загрузкой.

Вопрос: Вы обвиняетесь в том, что все **Валпи**, **Бальцевича** и **Петрова**, мероприятия по делу **Волковой** были направлены к тому, чтобы помешать **Волковой** раскрыть террористов. Признаете ли Вы это?

Ответ: Да, я это признаю, но злого или какого-либо иного умысла у меня не было и не могло быть.

Вопрос: Теперь установлена террористическая группировка в Филармонии, в которой участвовал **Селиверстов**, названный **Волковой**. Значительное большинство людей, которых мы уже установили по сообщениям **Волковой**, причем следствие по этим делам ведет Особая группа из Москвы, в той или иной степени замешаны в террористической деятельности. Чем Вы объясняете это?

Ответ: Возмутительным отношением, проявленным мною, **Бальцевичем** и **Петровым** к заявлениям **Волковой**.

Вопрос: Скажите, почему Вы считали возможным и зачем Вам понадобилось направить заявительницу в психиатрическую лечебницу. Она не была арестована, не под следствием, так почему Вы сочли нужным ее освидетельствовать?

Ответ: Я считал, что нужно выяснить с кем мы имеем дело, так как сомневался в ее умственной полноценности.

Вопрос: Зачем же нужно было помещать **Волкову** в лечебницу?

Ответ: Теперь я вижу, что этого делать не нужно было.

Вопрос: Не нужно было 19 сентября арестовывать, а **Янишевский** подписывает отношение об аресте, не нужно было подвергать психиатрической экспертизе — Вы это почему-то делаете. Чем все это можете объяснить? Если находили, что она клеветает, то вовсе за это нет необходимости помещать в психиатрическую лечебницу. Какие были у Вас мотивы по этому поводу?

Ответ: Поместили ее в лечебницу не сразу после первой проверки. Когда она сообщила о новой группе, ее опять проверили, оказалось провокацией, и я на основе доклада **Бальцевича** и **Петрова** усомнился в ее умственной полноценности, поэтому согласился на направление ее в психиатрическую лечебницу.

Вопрос: Последний раз ее вызывали 25 сентября, потом отпустили. Она встретила своего знакомого **Козлова**, который ее отвел в Облисполком, где она рассказала всю историю. После этого 27 октября по распоряжению **Запорожца** или **Фомина** ее вызвал **Белоусенко**, который подошел к этому делу, как делопроизводитель, а 28 октября ее уже отправили в психиатрическую лечебницу. Почему не проверили дополнительных данных, сообщенных **Волковой** 27 октября?

Ответ: Насколько помню, мне доложили, что все проверено.

Вопрос: **Волкова** рассказывала, что к.р. организация устроила ее на работу в германское консульство уборщицей, где через 2½ дня ее организация с работы сняла и отправила в Лигово, к какому-то гражданину, начальная буква «Л», фамилии его она не помнит. Там она обнаружила ящик со снарядами и пришла рассказать об этом. Гражданин, который ее туда отвел, является **Генрихом Зведрис**. Его никто не устанавливал. Все это Вас должно было заинтересовать, так как люди с улицы на работу в консульство не попадают. Если бы Вы и **Бальцевич** не были заинтересованы в том, чтобы опорочить **Волкову**, то этот факт был бы проверен?

Ответ: **Бальцевич** мне об этом не докладывал.

Вопрос: **Волкова** Вам сообщила, что на 2-й Цветочной ул., д. № 6 имеется ящик со снарядами, почему Вы не проверили эти ящики?

Ответ: Мне говорили (**Бальцевич** и **Петров**), что все проверено, не подтвердилось, и что обнаруженный где-то взрыватель ничего общего с боевыми снарядами не имеет и является настольным украшением.

Вопрос: Вы знали о том, что **Бальцевич** исключен из партии?

Ответ: Я знал о том, что он из партии сам вышел.

Вопрос: Признаете ли Вы, что все Ваше поведение в расследовании заявлений **Волковой** имеет единственное нормальное объяснение — обереечь контр-революционную организацию от разоблачения, дискредитировать, затравить **Волкову**, как заявительницу,

136-05 778

когда это не удастся, направить в дом умалишенных. Никакой загруженностью и болезненным состоянием нельзя объяснить Ваших действий.

Ответ: Да, внешне получается так.

Вопрос: Почему внешне? Вы должны дать по существу признание и объяснение Ваших действий?

Ответ: Я понимаю, что в связи с делом **Волковой** нахожусь в очень неприглядном виде, но я не враг рабочего класса, партии и революции, я виноват в том, что слепо доверился «докладам» **Бальцевича** и **Петрова**, вместо того, чтобы по такому серьезному делу лично проверить все проверочные мероприятия.

ЯНИШЕВСКИЙ.

Допросил: Нач. ЭКО ГУГБ НКВД СССР **МИРОНОВ.**

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

ЯНИШЕВСКОГО Деониса Юлиановича

от 12 января 1935 г.

Янишевский Деонис Юлианович, 1898 г. рожден., урожен. г. Варшавы, поляк, образование 4-х классное коммерческое училище, чл. ВКП(б) с 1918 г., после июльских событий 17 г. был арестован, до октябрьской революции сидел в Крестах, в органах ВЧК—ОГПУ с 1922 г. Зам. Нач. Особого отдела УНКВД ЛО.

Вопрос: Следствие по делу убийства тов. **Кирова** устанавливает Вашу виновность в бездеятельности по борьбе с контр-революционными террористическими образованиями?

Ответ: Виновным в бездеятельности по борьбе с контр-революционными террористическими образованиями себя не признаю.

Вопрос: Как же Вы не признаете себя виновным, когда Вы получили в сентябре мес. 1934 г. от гр. **Волковой** сообщение о существовании в Ленинграде ряда контр-революционных формирований и террористических групп и не приняли никаких мер?

Ответ: Да, действительно, я признаю себя виновным в том, что по сообщению **Волковой** я не принял никаких мер к вскрытию и разгрому контр-революционных и террористических формирований, о которых она сообщала. Хотя **Волкова** сообщила чрезвычайно важные вещи, заключающиеся в том, что назвала группу лиц: **Маслякова, Леванова, Коршунова** и др., указала, что они составляют контр-революционную группу, располагают оружием и бомбами и что один из участников группы подготавливает совершение насильственных действий над т. **Кировым**.

Все это произошло потому, что я доверился, не подвергая никакой проверке и контролю, сообщениям подчиненных мне работников **Бальцевича** — пом. начальника 2-го отделения и **Петрова** — уполномоченного 2-го отделения, сообщивших мне, что все данные **Волковой** тщательно проверены и не подтвердились.

Вопрос: Вы, выслушав сообщения **Бальцевича** и **Петрова** о не подтвердившихся сведениях **Волковой**, должны были проверить хотя бы материалы следствия и агентуры, — сделали Вы это?

Ответ: Никаких материалов я не проверял, а огульно утвердил мероприятия **Бальцевича** и **Петрова**.

Вопрос: В чем заключались утвержденные Вами мероприятия по представлению **Бальцевича** и **Петрова** в отношении **Волковой**?

Ответ: Сейчас точно не помню, с предварительной ли моей санкции, или с последующего моего утверждения **Волкова**, спустя некоторое время после своего заявления, была **Бальцевичем** отправлена в психиатрическую больницу, так как **Бальцевич** мне доложил, что она признана врачами психически ненормальной.

Вопрос: Проверяли ли Вы документы врачей, удостоверяющих психическую ненормальность **Волковой** и необходимость помещения ее в психиатрическую больницу?

Ответ: Документы я не проверял, опять-таки доверившись **Бальцевичу**.

Вопрос: Приказом быв. ОГПУ № 1138 за 1932 г. по работе с агентурой Вы обязаны были лично по поступлении заявления **Волковой** агентурно проверить все сообщенные сведения, — чем Вы объясняете нарушение выполнения приказа?

Ответ: Да, я признаю, что приказ мною грубо нарушен потому, что именно в нем говорилось о недопустимости штампования представляемых агентурно-оперативных мероприятий аппаратом, потому, что именно в этом приказе № 1138, который я нарушил, говорилось о недопустимости формального утверждения представляемых аппаратом агентурных мероприятий.

Вопрос: Приказом НКВД по следствию № 0032 Вы обязаны были, коль скоро проводилось следствие по делу **Волковой**, проверить до утверждения постановления следственные документы, лично допросив основных лиц, проходящих по делу. Выполняли Вы этот приказ?

Ответ: Этот приказ также мною грубо нарушен, следственные материалы я не проверял и главных проходящих лиц я не видел.

Вопрос: Директивами Наркома Внутренних Дел на оперативном совещании 25/VII—34 г. Вы обязывались к реорганизации агентурно-осведомительной работы по всем отраслям оперативной работы и оперативной деятельности, очистке от двурушников и т. д. и особенно внимание Ваше заострялось на борьбу с террористическими организациями, как самым острым методом борьбы классового врага. Что Вы сделали в осуществление этой директивы?

Ответ: Мои мероприятия по этой директиве настолько ничтожны, что проверка выполнения этой директивы комиссией НКВД в октябре мес. 1934 г. указала, что никакой перестройки агентурно-оперативной работы нет.

Вопрос: Чем Вы объясняете такое грубое и систематическое нарушение приказов и указаний быв. ОГПУ и НКВД по вопросам агентурно-оперативной и следственной работы?

Ответ: Подобные нарушения основных директив и указаний объясняются моей оппортунистической практикой и, объективно говоря, притупленностью в борьбе с классовым врагом. Это усугублялось общей атмосферой, особенно ярко нашедшей себе выражение на совещании по итогам обследования в октябре 1934 г., когда и руководство — **Медведь** и **Запорожец**, несмотря на явно выявленное катастрофическое состояние в агентурно-оперативной работе, соглашаясь с этим, на деле никаких реальных мер не проводили. А коллега по работе — начальник СПО **Горин** на указанные катастрофические прорывы в работе реагировал так, что у нас уж не так плохо, забастовок нет, террористических актов нет и поэтому нечего, так сказать, обследовавшим товарищам на нас особенно нападать. Я же сам в выступлении на том же совещании соглашался и говорил о необходимости перестройки агентурно-оперативной работы, коренном переломе в работе и существующей атмосфере, но дело не доводил до конца и не перестроил аппарат к новым задачам, требуемым решением ЦК ВКП(б) и Совнаркома от 8 мая, вышеуказанными приказами и распоряжениями быв. ОГПУ и Наркомвнудела.

Вопрос: В осуществление приказа быв. ОГПУ № 1132 за 1934 г. Вы обязывались в короткий срок очиститься от двурушников в агентуре и поставить дело так, чтобы двурушничества в агентуре не было. Что Вы сделали в осуществление этого приказа?

Ответ: В осуществление этого приказа, несмотря на формальное выполнение в смысле писем, распоряжений, совещаний, — на деле сделано ничего не было, так как двурушников, вскрытых мною по Особому отделу, не было.

Вопрос: У Вас в качестве агента был сын **Савинкова**, знали Вы его как агента?

Ответ: Что такой агент был в Особом отделе я знаю, но лично им не руководил. Связан был, кажется, лично с **Бальцевичем**.

Вопрос: Знаете ли Вы, что сын **Савинкова**, Ваш агент, ныне вскрыт, как двурушник, и привлечен по террористическому делу?

Ответ: Нет, не знаю. Это уже, видимо, было после моего ареста.

Вопрос: Знаете ли Вы распоряжение быв. ОГПУ и НКВД о том, что на оперативные должности, тем более на руководящие, не могут быть назначаемы не члены ВКП(б)?

Ответ: Да, я об этом распоряжении знал.

Вопрос: На каком основании Вы допустили на руководящую работу не члена ВКП(б) **Бальцевича**?

Ответ: Я его не снимал с работы потому, что считал его ценным работником и проверенным чекистом.

Вопрос: Знали ли Вы, что у **Бальцевича** брат в польской армии офицером?

Ответ: Да, знал.

Вопрос: Считаете ли Вы себя виновным в нарушении приказов по комплектованию личным составом, как-то: допущение **Бальцевича** — беспартийного к руководящей работе, оставление на руководящей работе людей, не соответствующих, например, **Лобов**?

Ответ: Виновным себя считаю и признаю бездеятельность в этом смысле, хотя о **Лобове** я ставил перед **Запорожцем** вопрос о том, что он явно не соответствует своему назначению.

Записано с моих слов верно, мною прочитано.

ЯНИШЕВСКИЙ.

Допросил:

Г. МОЛЧАНОВ.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

БАЛЬЦЕВИЧА М. К.

от 9 декабря 1934 года.

Родился в 1900 г., сын чиновника, среднее образование, беспартийный, в орг. ВЧК—ОГПУ—НКВД с 1918 г., с перерывом с 1922 по 1926 г.

Вопрос: В предыдущих Ваших показаниях Вы утверждали, что в отношении лиц, о которых **Волкова** сообщила, как об участниках контр-революционной организации, Вами были приняты меры, достаточные для того, чтобы убедиться, что данные, сообщаемые **Волковой**, неверны. Считаете ли Вы и сейчас, что Ваша работа, которая привела к этим выводам, была достаточной и добросовестной?

Ответ: По данным, которые сообщила **Волкова**, мы в нескольких случаях установили, что **Волкова** сообщает неверные отдельные факты. Так, путем подслушивания разговора **Волковой** по телефону с **Коршуновым**, о котором она писала, как о руководителе контр-революционной организации, уполномоченный **Петров** установил и мне доложил, что на самом деле из ответов **Коршунова** было видно, что **Коршунов Волковой** не знает. **Волкова** явно для **Петрова**, не хотела продолжать разговора с **Коршуновым**, после того, как последний спросил: «Какая **Волкова**».

Волкова сообщила нам, что письмо от **Маслякова**, где шла речь о контр-революционной организации, она передала жене **Коршунова** или самому **Коршунову**, вызванная же нами живущая на квартире у **Коршунова Вакуленкова**, о которой **Волкова** отзывалась только положительно, сообщила **Петрову**, что **Волкова** оставила письмо ей, **Вакуленковой**, а та в свою очередь передала своему мужу. Затем это письмо поступило ко мне, не помню каким путем, и было приобщено к делу.

Эти и другие факты, а также личный разговор с **Волковой**, сложили у меня мнение, что все заявления **Волковой** — ложь.

Для внесения окончательной ясности во все дело мною и тов. **Петровым** по согласованию с т. **Янишевским** были поочередно вызваны лица, которых **Волкова** называла участниками контр-

революционной организации (**Коршунов, Ливанов**, других фамилий не помню). Они предварительно были допрошены по существу их контр-революционной деятельности, отрицали эту деятельность, а затем им были устроены очные ставки с **Волковой**, которая сначала изобличала их в принадлежности к к.-р. организации, а потом в отношении всех лиц, о которых она указывала в заявлении, в том числе и тех с кем были у ней очные ставки — признала, что она их ложно оговорила.

Одновременно я признаю, что после этих мер мною не было принято никаких мероприятий, чтобы агентурно и следствием проверить и установить причастность указываемых **Волковой** лиц к контр-революционной организации или деятельности.

Вопрос: Как давно ведущему оперативную работу, Вам должно быть хорошо известно, что очная ставка между изобличаемым и изобличающим в контр-революции является средством, которое применяется только тогда, когда исчерпаны все другие возможности. Чем вызвано, что Вы нарушили в данном случае это положение и поспешили с самого начала сделать очную ставку между обвиняемыми и **Волковой**, которая была по существу не свидетелем, а секретным агентом в этом деле?

Ответ: Я **Волкову** никогда не рассматривал, как агента, по существу я признаю, что в данном случае я отступил от этих элементарных правил ведения агентурной и следственной работы и объясняю это тем, что я был на основании ранее принятых мер проверки убежден в неверности сообщений **Волковой**.

Вопрос: В частности Вы применили, как способ проверки сообщений **Волковой**, подслушивание и разговоры по телефону с **Коршуновым**. Был ли этот разговор ею проведен по настоянию Вашего или **Петрова** или по инициативе **Волковой**?

Ответ: Насколько помню, оговариваюсь, что точно этого не знаю, этот разговор был **Волковой** проведен по предложению **Петрова**.

Вопрос: С каких пор мы можем считать возможным принимать за доказательство, что данное лицо не состоит в контр-революционной организации на основании того, что в своем разговоре по телефону оно не дает этому подтверждения. Не находите ли, что этот разговор **Волковой** с **Коршуновым** ни в какой мере не мог служить одним из доказательств невиновности **Коршунова**.

Ответ: Да, я признаю, что один этот случай не может быть ни в какой мере признаком невиновности **Коршунова**, но в общем ряде проверенных фактов, опровергающих заявление **Волковой**, он имеет также значение.

Вопрос: Вами производилась очная ставка **Волковой** с **Ливановым**. Были ли до этой очной ставки или после нее установлены и в какой-либо мере проверены связи **Ливанова** и их характеристика?

Ответ: Нет, этого сделано не было.

Вопрос: Если даже по Вашему и Вашего руководства мнению данные, сообщаемые **Волковой**, представлялись неверными, что побудило Вас так упорно добиваться перед Прокуратурой (с большей энергией, чем проверка изобличаемых **Волковой** лиц), чтобы **Волкову** привлечь к ответственности и потом чтобы поместить ее в Психиатрическую лечебницу. Скажите, не было ли у Вас помимо всего причин чисто личной злобы или недоброжелательства к **Волковой**?

Ответ: Нет, никакого чувства недоброжелательства и злобы к **Волковой** у меня не было, тем более, что наше руководство, в частности тов. **Фомин**, который по существу занимался всем делом, ни разу меня по делу **Волковой** не вызывал и никаких приказаний и поручений ко мне с их стороны не было.

После того, как мною и тов. **Янишевским** было сделано заключение о ложности данных, сообщаемых **Волковой**, на основании ее признания в этом и проведенных нами мер проверки, было решено привлечь **Волкову** за это к судебной ответственности. При этом, как мне передал тов. **Янишевский**, по приказанию Зам. Нач.ка Управления т. **Фомина**, дело **Волковой** следовало направить в Спец. Коллегию Областного Суда. Я доказывал тов. **Янишевскому**, что это дело спец. Коллегии не подсудно, несмотря на это, как мне было сказано по приказанию тов. **Фомина**, дело было направлено через Прокурора в Спецколлегию, но туда не попало, — а прокурором было направлено в Нар. суд. Мне представлялось направление дела **Волковой** в суд для привлечения ее к ответственности вполне нормальным, согласно ст. 95 Уголовного Кодекса.

Вопрос: Известно ли Вам, что по делу **Волковой** в суд, в качестве свидетелей, которые должны были ее изобличить в том, что она на них сообщила порочащие их данные (участие в к.-р. организации), вызывались основные подозреваемые в этом **Коршунов**, **Ливанов** и другие.

Ответ: Известно и я считал это вполне нормальным, так как **Волкова** сама признала себя виновной в заведомо ложных сообщениях об этих лицах и они могли бы на суде внести ясность в это дело.

Вопрос: Считали-ли Вы тогда, что **Волкова** психически ненормальна и, таким образом, за свои действия в суде не может отвечать?

Ответ: Нет, тогда я еще не знал и не подозревал, что **Волкова** ненормальна психически. Эти подозрения у меня возникли позже, когда **Волкова** начала называть в качестве участника к.-р. организации Нач. 5-го отд. СПО **Зверева**, а о т. **Янишевском** сообщать, что он прикрывает эту к.-р. организацию.

В последних данных **Волковой** начали появляться данные об организации фальшивомонетчиков.

В основном же высказал опасение, что **Волкова**, если она психически ненормальна, и при этом так настойчиво доказывает наличие к.-р. организации, причем она видит, что ей часто не ве-

рят — способна сама, чтобы доказать существование к.-р. организации совершить какое-нибудь к.-р. действие, притом активное (покушение на убийство, поджог и т. п.), тем более, что это происходило как раз накануне Октябрьских праздников.

Вопрос: Какие и кем были приняты меры, чтобы прекратить дело по обвинению **Волковой** в суде, после того, как пришли к выводу, что она психически ненормальна?

Ответ: Дело против **Волковой**, согласно договоренности моей с пом. прокурора, т. **Виденеком**, было прокурором затребовано из суда и претержено в Особый отдел.

Вопрос: Среди обвиняемых **Волковой** в принадлежности к к.-р. организации был некий **Масляков**, относительно которого **Волкова** указывала, что он высказывался, что один из его знакомых, который угощается чаем у тов. **Кирова**, скоро «угостит» тов. **Кирова**, причем это имело смысл угрозы по отношению к тов. **Кирову**. Были ли приняты в отношении этого **Маслякова** какие-либо меры проверки и разработка?

Ответ: Никаких мер в отношении **Маслякова** принято не было.

Вопрос: **Ливанову** и другим, где в отношении их в сообщениях **Волковой** не было элементов, подозрительных по террору, были сделаны очные ставки с **Волковой** и они были по существу ее данных допрошены. Чем Вы можете объяснить, что даже эти меры не были применены к **Маслякову**?

Ответ: В течение первых двух дней проверки мы пришли к выводу, что **Волкова** дала заведомо ложные сведения в своем заявлении, в чем она на третий и четвертый день призналась. Из ее признания для нас явствовало, что **Масляков** никакого отношения к к.-р. организации не имеет и что все это **Волковой** выдуманно. Таким образом то, что **Масляков** не был другими способами проверен, я отношу к той же моей ошибке, по которой не было принято достаточных мер проверки других, о которых показывала **Волкова** в отношении их личностей, вне зависимости от тех данных, о которых сообщила **Волкова**.

Записано верно, прочитано **БАЛЬЦЕВИЧ**.

Допросил: Зам. Нач. ОО ГУГБ НКВД **СОСНОВСКИЙ**.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

БАЛЬЦЕВИЧА М. К.

от 9 декабря 1934 года.

Вопрос: Признаете ли Вы, что не приняли никаких мер для проверки того, какую опасность для государства представляют собой лица, о которых **Волкова** сообщала, как об участниках контр-революционной организации?

Ответ: Проверка их, как отдельных лиц, мною проведена не была. Проверка производилась только вразрезе тех данных о их причастности к к.-р. организации, которые сообщала **Волкова**.

Вопрос: Признаете ли Вы, что и та проверка, которая была Вами проведена, те методы и средства, которыми проверялись сообщения **Волковой** — были направлены по существу к тому, чтобы опорочить сообщаемые **Волковой** данные, а затем и саму **Волкову**?

Ответ: Нет, я этого не признаю. Следствие и проверка были направлены к тому, чтобы выявить контр-революционную организацию, о которой сообщала **Волкова**. Очные ставки и допрос подозреваемых проводились так, чтобы изобличить их в принадлежности к к.-р. организации. Прошу записать, что дело два раза во всех подробностях докладывалось **Петровым** Зам. Нач. Управления тов. **Фомину** и один раз тов. **Медведю**, знал дело подробно тов. **Янишевский**. Никто мне никогда не говорил, что это дело проверено недостаточно и что в нем нет ясности.

Вопрос: Однако, вся проверка заявлений **Волковой** фактически была возложена на саму **Волкову**, т. е. она одна против всех изобличаемых ею лиц была Вами вынуждена лично доказывать, что эти лица (**Ливанов**, **Коршунов** и другие) виновны, причем должна была это делать на очных ставках с подозреваемыми, производимыми со свободы и затем отпускаемыми. Признаете ли Вы, что эти методы проверки дела были применяемы Вами сознательно, чтобы как можно скорее опорочить **Волкову** перед обвиняемыми и следствием?

Ответ: Нет, я лично ничего не делал и не поручал делать **Петрову** с целью сознательно опорочить **Волкову**. Еще раз повторяю, что обвиняемые вызывались на допрос и затем на очные ставки специально для того, чтобы внести ясность в вопрос их участия в к.-р. организации, в каком направлении они и допрашивались.

Вопрос: Были ли у Вас с **Волковой** за время общения с нею при допросах враждебные к ней или у ней к Вам отношения?

Ответ: Ни того, ни другого не было. Наоборот **Волкова** все время жаловалась на **Петрова**, а моей фамилии в своих жалобах никогда не упоминала.

Вопрос: Были ли Вы частным образом знакомы с теми лицами, которых **Волкова** изобличала как участников к.-р. организации или имели с ними общих знакомых?

Ответ: Нет, ни с кем из них знаком не был и ни с одним из них общих знакомых не имел.

Вопрос: Признаете ли Вы, что непринятие Вами лично мер, обеспечивающих подлинную проверку лиц, о которых сообщала **Волкова**, как о контр-революционерах (что Вы признали в ранее данных показаниях), является следствием Вашего нежелания раскрыть и ликвидировать контр-революционную организацию?

Ответ: Нет, я это категорически отвергаю. И меня крайне удивляет этот вопрос. Как я и раньше показывал, я упустил необходимость разработки указываемых в заявлении **Волковой** лиц, как отдельных объектов. Это получилось потому, что **Волкова** признала, что она их оговорила и в то время это было для меня очевидно.

Вопрос: Признаете ли Вы, что Ваше решающее участие в освобождении и прекращении дела **Михеева**, который Вам же дал ничем не опровергнутые свои признания в том, что он завербован Латвийской разведкой для шпионской работы, является преступлением и что этим Вы нарушили Ваш служебный долг?

Ответ: Я не признаю, что я совершил сознательно преступление и для этого у меня не было никаких причин и какой-либо моей заинтересованности, я был глубоко убежден на основании показаний **Михеева** и вообще материалов дела — не установлено было, чтобы **Михеев** проявил какие-либо попытки практически выполнить то обязательство, какое он дал в Латвийском консульстве.

Вопрос: Кто на Вас имел влияние в решении вопроса о прекращении дела **Михеева**. Следствие считает Вашу мотивировку, приведенную выше, совершенно несостоятельной?

Ответ: После допроса **Михеева** я протокол его показал тов. **Янишевскому**, он его прочел и решил, что достаточных данных для предания **Михеева** суду не имеется. Тов. **Янишевский** распорядился **Михеева** освободить и дело прекратить.

Вопрос: Читал ли кто-либо из руководства Особого Отдела подписанное Вами постановление о прекращении дела **Михеева**?

Ответ: Нет, я не успел еще дать это постановление на подпись тов. **Янишевскому**.

Вопрос: Почему в подписанном Вами постановлении о прекращении дела **Михеева** в содержании его обвинения помещен

только вопрос о **Швальбе** и опровергается только обвинение **Михеева** в причастности к террористической деятельности, а доказанный следствием вопрос о шпионаже вовсе не помещен. Не было ли у Вас или у уполном. **Пономарева** намерения этим путем ввести руководство Особого Отдела и Управления в заблуждение с целью не иметь препятствий к освобождению **Михеева**?

Ответ: Никакого желания скрыть от руководства сущность дела **Михеева** у меня и, насколько мне известно, у **Пономарева** не было, так как мы оба **Михеева** видели впервые. Постановление написано так по упущению уполномоченного **Пономарева** и подписано по моему упущению. Я указал **Пономареву**, что в постановлении должны быть указаны все пункты обвинения **Михеева**, в том числе и шпионаж.

БАЛЬЦЕВИЧ.

Допросил:

Зам. Нач. ОО ГУТБ НКВД **СОСНОВСКИЙ.**

142-05

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

БАЛЬЦЕВИЧА М. К.

от 21 декабря 1934 года.

Вопрос: Из какой среды Вы происходите?

Ответ: Мой отец был чиновник 2-го класса (мл. делопроизводитель) Виндавского торгового порта. Он был личный дворянин, до 1914 г. жил в Виндаве, после эвакуировался в Ленинград и умер в 1927 г. в Пскове. Я учился в виндавском реальном училище, а после переезда в Ленинград — на вечернем курсе 2-го реального училища, в котором окончил 6 классов. В 1918 г. поступил в органы ЧК и в г. Рыбинске был организатором Союза Коммунистической Молодежи. Проработав в ЧК до 1922 г., был уволен по болезни. Работал в Псковском Губсуде следователем и с 1926 г. снова в органах НКВД на оперативной работе.

Вопрос: Вы сейчас беспартийный, были ли Вы в партии?

Ответ: Да, я был в партии с 1919 до 1922 г. Ушел из партии из-за несогласия с решением Бюро партийной организации по вопросу снабжения подчиненных мне работников обмундированием.

Вопрос: В Вашей биографии сказано, что Вы тогда бросили партийный билет, а после этого были исключены из партии?

Ответ: Да, действительно, я погорячился и заявил о своем выходе из партии, после чего было вынесено решение об исключении меня из рядов партии.

Вопрос: Подавали ли Вы заявления о приеме Вас в партию?

Ответ: С 1922 г. по 1928 г. я не подавал заявления, т. к. считал необходимым сначала себя зарекомендовать. В 1928 г. я собрался подать заявление, но его не приняли из-за отсутствия у меня рекомендаций рабочих от станка, я же имел знакомых только среди советских работников (ОГПУ). Затем я снова собирался подавать заявление, имея уже поручителей, но это совпало с закрытием приема в партию из-за чистки.

Вопрос: Значит Вы только собирались просить о приеме вас в партию?

Ответ: Да, мне говорили, что я должен сначала себя зарекомендовать, и я вел большую общественную работу, в частности в «ДИНАМО».

Вопрос: Имеете ли Вы родственников за границей и поддерживаете ли с ними связь?

Ответ: У меня за границей брат — служит офицером польской армии в чине майора — и сестра — живет в Варшаве, преподавательница французского языка польской частной гимназии. Я с ними никакой связи не имел, но моя мать, живущая вместе со мной, переписывалась с сестрой. Сестра в этом году летом приезжала в Ленинград и пробыла здесь месяц. Жила на даче.

Вопрос: Известно ли Вам, что Ваш начальник т. Янишевский запретил приезд Вашей сестры в Ленинград. Каким же образом получилось, что она приехала и жила в Ленинграде целый месяц?

Ответ: Мне ничего неизвестно о том, что приезд моей сестры не разрешен, наоборот, мой непосредственный начальник пом. Нач. ОО — **Денисевич**, после того, как я подал рапорт о приезде сестры, где я выражал нежелание, чтобы она приехала, разъяснил мне, что каждый гражданин, купивший тур в Интуристе, может свободно приехать в СССР.

Вопрос: Это Ваше объяснение совершенно неправдоподобно. Вы хорошо знаете, что от Вас целиком зависело, если Вы действительно не хотели, чтобы Ваша сестра приехала, не разрешить ей въезд, для этого Вам достаточно было принять через ИНО меры, чтобы она не получила визу?

Ответ: Я считал, что против въезда моей сестры возражений со стороны руководства нет, поэтому думал, что пусть мать доставит себе удовольствие с ней увидеться.

Вопрос: Приходило ли Вам в голову, что польская разведка могла воспользоваться приездом Вашей сестры для своих целей, зная о том, что Вы состоите на ответственной работе в органах НКВД?

Ответ: Да, я допускал, что моя сестра могла быть завербована в польской разведке, но когда она приехала, я увидел, что сестра совершенно аполитичный человек и стопроцентный обыватель.

Вопрос: Тогда тем более непонятно, почему Вы не приняли мер против приезда Вашей сестры в СССР и предоставили ей месяц жить в вашей квартире?

Ответ: Я уступил желанию старухи-матери, на которую я не имел возможности повлиять, чтобы она написала о неприезде сестры.

Вопрос: Вы являетесь старым оперативным работником, непосредственным начальником уполномоченного **Петрова**, которого Вы обучили и воспитали на чекистской работе, какое Ваше мнение о **Петрове**, как об оперативном работнике?

Ответ: У **Петрова** много положительных качеств, хотя он еще молодой работник наших органов. Когда был Н-к отделения **Миг-**

Берт, он был подчинен ему по делу **Волковой**, ввиду отсутствия **Мигберта**, **Петров** был подчинен мне.

Например, если **Петрову** скажут, что в Ленинграде нужно розыскать человека по самым поверхностным приметам, то он его разыщет и доставит в минимальный срок. Его ловкостью в этом отношении многие восхищались. **Петров** был всегда исполнительным и точно выполнял данные ему отдельные поручения и дал за время своей работы два больших дела, одно «белый орел» (к.р. орг.) и другое — названия не помню.

Вопрос: Известны ли Вам какие-либо проступки, совершенные **Петровым**?

Ответ: Да, **Петров** был арестован на 10 суток за то, что он изъял из Уголовного Розыска материал на одного нашего осведомителя. Он был наказан не за то, что изъял, а за то, что он сделал без ведома своего руководства.

Вопрос: Вы являетесь старым чекистом, рассказываете, что самостоятельно провели ряд крупнейших дел. Почему Вы провалили дело **Волковой**, кто в этом виноват — Вы или **Петров**?

Ответ: Я с самого начала, как только прочел заявление **Волковой**, решил, что это «липа», но поручил **Петрову** проверить, что им и было выполнено, и он тоже пришел к этому выводу. С этим были согласны Зам. Нач. ОО т. **Янишевский**, Зам. Нач. УНКВД тов. **Фомин** и Нач. Упр. тов. **Медведь**.

Вопрос: На основании чего Вы это решили?

Ответ: Первое — это личный допрос **Волковой**, из которого видно было, что она говорит неправду.

Мне казалось неестественным, что контр-революционер пишет письмо своему единомышленнику и пересылает его через **Волкову**, тогда как он мог передать лично. Потом мы подслушали разговор между **Волковой** и **Коршуновым**, из которого было видно, что **Коршунов** ни в какой деловой связи с **Волковой** не состоит.

Далее **Волкова** была уличена во лжи, заявив нам, что письмо от **Маслякова** передала **Коршунову**, тогда как передала **Вакуленкову**. Далее личная характеристика **Волковой**, как сводницы и неположительного человека.

Вопрос: Что же, Вы проверяли утверждение **Волковой** о том, что существует к.р. организация или отдельные, кажущиеся Вам неправдоподобными места ее сообщений?

Ответ: Как мне докладывал **Петров** — он проверял все, что было в заявлениях **Волковой**.

Вопрос: Что именно Вы проверяли?

Ответ: Я деталей дела не помню и поэтому конкретно ответить не могу.

Вопрос: Тогда нужно Вам напомнить. **Волкова** заявляла, что один из участников к.р. организации **Масляков** ведет наиболее активную работу. Был ли он Вами установлен?

Ответ: Нет, я не считал нужным устанавливать, так как все остальное, что сообщила **Волкова** — не подтвердилось и главное она сама призналась, что она всех оговорила.

Вопрос: Почему Вы не проверили заявления **Волковой** об автомобиле, на котором ездил один из членов организации — **Коршунов**?

Ответ: Этого случая я вообще не помню и первый раз слышу.

Вопрос: Из Ваших показаний следует, что Вы только и делали, что выслушивали доклады **Петрова** о его действиях; какие предложения **Петрова** о проверке совершенно определенных фактов по сообщению **Волковой** Вы отвергли и запретили ему принимать необходимые меры?

Ответ: Я таких случаев не помню.

Вопрос: Запрещали ли Вы **Петрову** устанавливать наружное наблюдение за **Коршуновым**, несмотря на то, что Вам известно, что Ваш начальник **Янишевский** распорядился поставить наблюдение?

Ответ: Я не помню такого случая, но допускаю, поскольку дело происходило перед праздником, у нас не было свободной бригады н/н. Если же т. **Янишевский** распорядился поставить н/наблюдение, то оно должно было быть поставлено и без моего участия, т. к. н/наблюдением распоряжался т. **Янишевский**.

Вопрос: Запрещали ли Вы **Петрову** производить обыск в тех местах, где, по сообщению **Волковой**, хранилось оружие организации?

Ответ: Такого случая я тоже не помню. **Петров** фактически занимался несколько дней только расследованием заявления **Волковой** и должен был принять все меры.

Вопрос: Что Вы сами непосредственно сделали по этому делу?

Ответ: Я разговаривал два раза с **Волковой**, обо всем остальном мне **Петров** всегда докладывал, кроме того, **Петров** ходил докладывать по этому делу к т.т. **Янишевскому**, **Фомину** и **Медведю**, по их вызову и никто из них мне не сказал, что это дело не ясно.

Вопрос: Мы сейчас вызовем **Петрова**, который напомнит Вам, что именно Вы ему запрещали делать. Следствие же по Вашему делу установило, что Вы принимали все меры к тому, чтобы провалить выяснение той к.р. деятельности, о которой сообщала **Волкова**, и спустить это дело под откос?

Ответ: Этого не могло быть, это я категорически отрицаю, да я и не мог этого сделать, если бы и хотел, т. к. этим делом ру-

144-05 885
ководили помимо меня **Янишевский, Фомин, Медведь и Белоусенко.** Вел же его **Петров.**

Вопрос: Установлено, что ни один из сообщавшихся фактов деятельности к.-р. организации Вы не проверяли, а заставили **Волкову** сознаться, что она дает ложные показания. Признаете ли Вы это?

Ответ: Хотя я с самого начала считал, что **Волкова** занимается вымыслом, я все же принял меры к проверке ее сообщений.

Вопрос: Как же Вы проверяли сообщения **Волковой**, когда Вы о ней самой ничего не выяснили. **Волкова** была, по Вашему, заявительницей, значит Вы считали, что если заявительница сообщает Вам о наличии к.-р. организации, передает неверно какие-нибудь детали из деятельности этой организации, то заявительницу нужно всячески травить и арестовать?

Ответ: Да, я действительно не принимал никаких мер, чтобы проверить кто такая **Волкова**, хотя я поставил за **Волковой** н/наблюдение, чтобы установить с кем она связана. По данным Оперода она весьма неположительный человек и была исключена из комсомола. Материалы об этом в деле есть.

Вопрос: Этим Вы еще раз подтверждаете, что Ваше расследование было направлено против **Волковой**, а не против контр-революционеров, которых она называла. У Вас нашлось н/наблюдение за **Волковой** и не оказалось его для **Коршунова**. За что же Вы арестовали **Волкову**?

Ответ: **Волкова** была арестована 19 сентября по предложению т. **Янишевского**, как вводившая в заблуждение органы НКВД.

Вопрос: Значит Вы посадили **Волкову** за то, что считали ее показания ложными. Когда же она в этом созналась?

Ответ: **Волкова** признала ложность своих сообщений после того, как мы ее арестовали.

Вопрос: Что же Вы после этого сделали?

Ответ: Когда она созналась, что врет — мы ее освободили.

Вопрос: Выходит так, что Вы посадили за то, что врет, а когда созналась в этом — Вы ее освободили. Признаете ли Вы, что все это ни что иное, как травля и издевательство над **Волковой** и стремление провалить дело?

Ответ: Я доложил т. **Янишевскому**, что **Волкова** врет, потому что так мне говорил **Петров**, и в этом я был сам убежден, и т. **Янишевский** велел ее посадить. **Волкову** я не травил, т. к. не был в этом заинтересован. Провалить дело также не стремился.

Вопрос: Из расследования всего дела и Ваших ответов ясно одно, что Вы приняли все зависящие от Вас меры к провалу расследования по заявлению **Волковой**. Признаете ли Вы это?

Ответ: Я не понимаю этого вопроса. Зачем мне нужно это делать? Я раскрыл целый ряд крупных дел.

Вопрос: Раз Вы утверждаете, что раскрыли много крупных дел, тем более оснований считать, что Вы провалили это дело умышленно, так как незнанием методов работы и вообще неопытностью Вы объяснить провал Вами дела **Волковой** не можете?

Ответ: Нет, я это отрицаю. Какой смысл имел для меня сознательно проваливать дело **Волковой**?

Вопрос: Никакого другого смысла, кроме как провалить дело **Волковой** в контр-революционных целях, у Вас действительно быть не могло. Факты по этому делу — Ваше происхождение, приезд к Вам, вопреки запрещению, сестры из Польши, где Ваш брат служит майором польской армии, говорят только об этом. Ваши ссылки на то, что Вы раскрыли много дел и вели ответственную работу, также не могут служить подтверждением Вашей честности в данном случае, так как, находясь в органах НКВД, нельзя вести явную контр-революционную работу, а можно только проводить ее в отдельных, наиболее серьезных случаях — каким могло быть дело **Волковой**, где речь шла о терроре. Вам лучше признать свою вину в умышленности Ваших действий и объяснить чем они были вызваны?

Ответ: Нет, я не признаю, никакого умысла в моих действиях не было.

Вопрос: Все Ваши объяснения сводятся к тому, что либо Вы не помните, либо Вы принимали какие-то неизвестные меры по докладу **Петрова**, на которого Вы пытаетесь свалить всю ответственность, либо Вы действовали по указанию руководства и то только в тех случаях, когда эти указания соответствовали Вашей задаче провалить дело **Волковой**?

Ответ: Поскольку никакого умысла в том, чтобы провалить дело **Волковой** у меня не было, я ни на кого вины не сваливаю. Я говорю только то, что было на самом деле. Я действительно виноват в том, что такое серьезное дело не взял лично себе и сложил у себя с самого начала мнение, что заявление **Волковой** ложное, и когда она признала это сама, еще более в этом убедился.

Записано с моих слов правильно. Прочитано.

БАЛЬЦЕВИЧ.

Допросил: Нач. ЭКО ГУГБ НКВД СССР **МИРОНОВ.**

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

БАЛЬЦЕВИЧА, Мечеслава Константиновича

от 13 января 1935 г.

Бальцевич М. К., 1900 г. р., уроженец г. Виндавы (Латвия), отец личный дворянин, чиновник торгового порта (умер), поляк, образование среднее, быв. член ВКШ(б), исключен в 1922 году за нарушение партийной этики. В органах НКВД с 1918 года. До ареста работал пом. нач. 2 отделения Особого Отдела УНКВД по ЛВО.

Вопрос: Признаете ли Вы себя виновным в том, что, будучи пом. нач. 2 отделения Особого Отдела УНКВД ЛВО, были бездеятельны в борьбе с контр-революционными террористическими образованиями?

Ответ: Виновным себя не признаю.

Вопрос: Как же Вы не признаете себя виновным, когда получили в сентябре месяце прошлого года сообщение от гр-ки **Волковой** о существовании в Ленинграде ряда контр-революционных формирований и террористических групп и не приняли никаких мер к разгрому этих террористических к.-р. образований?

Ответ: Да, я действительно признаю себя виновным в том, что, когда я получил в сентябре месяце прошлого года сообщение **Волковой**, я, несмотря на то, что лично переговорил с **Волковой**, нашел у нее подтверждение ее сообщения о существовании контр-революционных формирований и террористических намерений одного из проходящих лиц, некоего **Маслякова**, — серьезных мер агентурной проверки не принял.

Вопрос: Признаете ли Вы себя виновным в преступном отношении к делу борьбы с контр-революцией, результатом чего контр-революционные террористические элементы, о которых Вам сообщила **Волкова**, остались не арестованными?

Ответ: Виновным себя в преступном отношении к делу по заявлению **Волковой** признаю.

Вопрос: Признаете ли Вы себя виновным в незаконном аресте **Волковой** в сентябре 1934 года?

Ответ: Виновным себя в незаконном аресте **Волковой** признаю, тем более, что я ее арестовал после беседы со мной, не вынеся законного постановления о мере пресечения, удовлетворившись словесным согласием зам. нач. Особого Отдела УНКВД ЛВО **Янишевского**.

Вопрос: Признаете ли себя виновным в незаконном помещении гр-ки **Волковой** в психиатрическую больницу?

Ответ: Да, виновным себя в незаконном помещении в психиатрическую больницу гр-ки **Волковой** признаю, тем более, что я ее направил в психиатрическую больницу с отношением только за моей подписью, на что никакого права не имел.

Вопрос: Вы отправили гр-ку **Волкову** в психиатрическую больницу; имели ли Вы сообщение от врачей из больницы о результатах исследования психического состояния **Волковой**?

Ответ: Результатов исследования не имел, считал, что больница по окончании исследования **Волковой** мне сообщит, так как вообще у нас в Ленинградском Управлении НКВД существовала такая практика, что отправляемые нами на психическое исследование лица находились в больнице до тех пор, пока находит это нужным больница.

Вопрос: Признаете ли Вы себя виновным, что по день Вашего ареста — 2 декабря 1934 года, Вы не только не проверили агентурно лиц, кои назывались в сообщении **Волковой**, не только не арестовали контр-революционные террористические элементы, но и неверно вопрос о **Волковой** и материалы, ею данные, доложили **Янишевскому**?

Ответ: Я себя в этом виновным признаю, так как и я, и **Янишевский** вместе со мной отнеслись преступно к сообщенным сведениям **Волковой**, ограничились голым, ни на чем не обоснованным недоверием к ней.

Вопрос: Кому, кроме **Янишевского**, Вы докладывали сообщение **Волковой** о контр-революционных террористических группировках; о Ваших мероприятиях по этому заявлению; об аресте **Волковой** и, наконец, об отправке ее, **Волковой**, в психиатрическую больницу?

Ответ: Я никому не докладывал, но уполномоченный моего отделения **Петров** мне говорил, что в октябре и в ноябре он докладывал весь вопрос о материалах **Волковой** **Фомину** два раза и **Медведю** один раз.

Вопрос: Что Вам передавал **Петров**, какие указания ему по делу **Волковой** были даны **Медведем** и **Фоминим**?

Ответ: **Петров** мне передавал, что по его подробному докладу **Медведь** никаких указаний не дал, также передавал, что **Фомин**, заслушавший подробный его доклад, распорядился дело по обвинению **Волковой** в ложном заявлении по 95 ст. УК направить в Спецколлегия Облсуда.

Вопрос: Известно ли Вам дело по обвинению в шпионаже **Михеевых** мужа и жены, арестовывавшихся 8 пограничным отрядом?

Ответ: Это дело мне известно.

Вопрос: Руководили ли Вы непосредственно следствием по делу **Михеевых**?

Ответ: Да, я лично руководил следствием по делу **Михеевых**.

Вопрос: Знали ли Вы, что **Михеев** был в латвийском консульстве?

Ответ: Знал, не помню знал ли я это из агентурных материалов, но знал из собственного признания **Михеева**, что он был в латвийском консульстве и подал заявление консулу о выезде.

Вопрос: Знали ли Вы о том, что латвийский консул в Ленинграде, принимавший **Михеева**, обещал ему выдать паспорт на выезд в Латвию ему и жене, дав поручение **Михееву** собрать сведения о состоянии промышленности в Ленинграде, особенно военной, для того, чтобы отвезти эти сведения в Латвию?

Ответ: Да, я знал, что **Михеев** был в латвийском консульстве и был там принят. Знал, что ему было сказано, что в Латвию нечего ехать с пустыми руками, что когда он получит паспорт, то ему следует собрать сведения о состоянии промышленности в Ленинграде, о строительстве новых заводов по берегу Невы, о военном флоте и т. д. и передать эти сведения в Латвии разведке. Все это я знал из показаний **Михеева**.

Вопрос: Знали ли Вы, что арестованная **Михеева** была инициатором связи **Михеева** с латвийским консульством и была инициатором перехода в Латвию нелегально, если не удастся получить паспорт?

Ответ: Да, об этом знал, это и она сама в показаниях не отрицала.

Вопрос: На каком основании Вы арестованных врагов советской власти **Михеева** и **Михееву** освободили из-под стражи и дело прекратили?

Ответ: Я считал, что материалов недостаточно для предания их суду.

Вопрос: Почему же не послали дело **Михеевых** на Особое Сопровождение?

Ответ: Считал, что и для Особого Сопровождения материалов недостаточно.

Вопрос: Кто же Вам дал право считать недостаточным основанием для привлечения к ответственности факт сознания **Михеевых** в шпионской работе?

Ответ: Я считаю, что я совершил преступление, не передав дело в Суд или на Особое Совещание и освободив социально-опасных **Михеевых**.

Вопрос: Кто утвердил постановление об освобождении **Михеевых**?

Ответ: Постановление об освобождении **Михеевых** утвердил **Янишевский**.

Вопрос: Приказом 6. ОГПУ № 1138 за 1932 год по работе с агентурой Вы обязаны были к перестройке агентуры таким образом, чтобы всякий поступивший материал-заявление, был агентурно проверен и выявленные контр-революционные элементы своевременно арестованы. Почему Вы его нарушили в связи с заявлением **Волковой**?

Ответ: Я этот приказ грубо нарушил, небрежно халатно отнесся к работе.

Вопрос: Приказом НКВД по следствию Вы обязаны были, коль скоро проводилось следствие по делу **Волковой**, лично допросить основных лиц, проходящих по этому делу. Выполняли ли Вы этот приказ?

Ответ: Нет, не выполнил.

Вопрос: Указаниями НКВД неоднократно (приказ № 1138 от 1932 года, приказ № 0032, указания Наркома Внутренних Дел от 25/VII—34 года) Вы обязаны были лично проверить агентуру, очистив ее от двурушников и предателей. Что Вы сделали по этому приказу и сколько Вами выявлено и арестовано двурушников и предателей из Вашей сети?

Ответ: Все эти приказы и распоряжения мною грубо нарушались, опять-таки благодаря преступно-халатному отношению к делу. Мною ни одного двурушника не выявлено.

Вопрос: Чем Вы объясняете такое грубое и систематическое нарушение приказов и указаний бывшего ОГПУ и НКВД по вопросам агентурно-оперативной и следственной работы?

Ответ: Подобные нарушения основных директив и указаний объясняются, как я уже сказал выше, моим личным халатным и небрежным отношением к делу. Во вверенном мне отделении также никто не интересовался оперативной работой. Все это усугублялось тем, что на все мои запросы **Мигберту** — начальнику 2-го отделения, **Янишевскому** — зам. нач. Особого Отдела УНКВД и **Запорожцу** — зам. нач. УНКВД я никакой помощи с их стороны не получал, а положение с оперативной работой, действительно, было безобразно. Кроме того, и моральная обстановка может характеризоваться такими выстулнениями на совещании по итогам

обследования комиссией НКВД, как выступление начальника СПО **Горина**, который на совещании заявил, что у нас такая обстановка, что контр-революционных выступлений нет, террористических актов нет, все в работе более или менее благополучно и зря нас приехавшие исследователи — москвичи ругают.

Вопрос: Знаете ли Вы агента сети Вашего отделения — сына **Савинкова**, который арестован, как двурушник, и привлечен по террористическому делу?

Ответ: Что такой агент есть я знаю, но как двурушник он, видимо, выявлен после моего ареста.

Вопрос: Есть ли у Вас родственники за границей?

Ответ: Есть.

Вопрос: Кто Ваши родственники за границей и где они находятся?

Ответ: В Варшаве живет сестра — **Бальцевич**, которая преподает в гимназии французский язык. Ей сейчас 40—41 год. Политически она, по-моему, обывательница. В Польше, в Познани, есть брат — **Бальцевич** Аркадий — офицер польской армии, в чине майора. Кроме того, в Польше живет **Кобецкая** — родственница моей матери, где она в Польше, — я не знаю.

Вопрос: Связаны ли Вы с сестрой **Бальцевич**, живущей в Варшаве?

Ответ: Да, связан. В 1934 году она приезжала в Ленинград ко мне на квартиру, к матери, живущей вместе со мной.

Вопрос: Сколько времени она у Вас жила?

Ответ: Прожила она и в Ленинграде и у меня на даче месяц.

Вопрос: Какие у Вас с сестрой, прибывшей из Варшавы, были разговоры и какие сложились отношения?

Ответ: Разговоры были чисто обывательского порядка, а отношения нормальные — родственные, как брата с сестрой.

Вопрос: Чье разрешение Вы имели на прием из Польши Вашей сестры **Бальцевич**?

Ответ: Помощника начальника Особого Отдела **Денисевича**.

Вопрос: Кроме **Денисевича**, Вы никому не докладывали из вышестоящих начальников?

Ответ: Кроме **Денисевича**, которому я подал рапорт, я никому из вышестоящих начальников не докладывал.

Вопрос: Вызывал ли приезд сестры из Польши в 1934 году у Вас какие-нибудь по отношению к ней подозрения?

Ответ: У меня до ее приезда возникали подозрения, что она могла ехать в СССР ко мне, как разведчица, но из общения с ней

я убедился, что она разведчицей не может быть, так как она не интересовалась никакими политическими вопросами.

Вопрос: Когда уехала в Варшаву Ваша сестра Бальцевич?

Ответ: 29 июля 1934 года.

Вопрос: Обещала ли еще приехать?

Ответ: Обещала приехать года через два, через три.

Вопрос: Знала ли Ваша сестра перед приездом ее из Варшавы в СССР, что Вы являетесь работником бывшего ОГПУ и сейчас УГБ НКВД?

Ответ: Нет, не знала. Я перед ней скрыл это, сказав, что я работаю в армии.

Вопрос: Какие у Вас связи с находящимся в Познани Вашим братом — майором польской армии?

Ответ: С этим братом я был связан до 1915 года. Он уже в то время был офицером царской армии. Был такой эпизод, когда после демобилизации в 1918 году он приехал в Ленинград с Румынского фронта и рассказывал мне о том, что по дороге у него на Украине отобрали «Наган» и сняли погоны. В 1918 году он был также в чине прапорщика. По приезде в Ленинград он лечился, лежал в каком-то госпитале. Я в это время, вместе с матерью, выехал в Рыбинск, а он остался в Ленинграде. Весной 1918 года он приехал в Рыбинск, пробыл недели две—три и уехал обратно, потому что в Ленинграде была голодовка, а в Рыбинске было лучше. С тех пор он бесследно исчез. Потом выяснилось, что сестра по окончании курсов иностранных языков выехала в Вильно, списалась с братом и брат также выехал в Вильно, где их и застала оккупация, но, по всей вероятности, брат и сам хотел попасть в Польшу.

Вопрос: Откуда Вы знаете, что Ваш брат сейчас в Познани в чине майора?

Ответ: Сестра, по приезде в Ленинград в 1934 году, рассказывала об этом.

Вопрос: В каком году мать говорила Вам, что брат находится в Познани?

Ответ: Года четыре—пять назад мать, находившаяся все время в переписке с указанной выше сестрой, мне говорила, что в письме сестра сообщила, что брат мой — Бальцевич Аркадий — находится в Познани.

Вопрос: В последний приезд сестра Вам привозила какие-нибудь сведения о брате?

Ответ: Привозила привет всем нам.

Вопрос: Что Вы скрыли от следствия в части Ваших отношений с сестрой, приезжавшей к Вам из Варшавы?

Ответ: Ничего из моих отношений с прибывшей ко мне из Варшавы сестрой я от следствия не скрыл.

Вопрос: Следствие не верит всем Вашим показаниям в части, касающейся связей с Польшей. Что Вы можете показать дополнительно?

Ответ: Я говорил об этом только правду.

Вопрос: Чем Вы объясняете, что Вы, будучи помощником начальника 2-го отделения Особого Отдела УНКВД ЛВО, то есть отделения, которое занимается разработкой контр-революционных сил и связей на территории СССР вообще и по террору в частности, — не вели разработки польских связей, которые Вам были известны по линии семьи (матери, сестры, брата, Кобецкой и т. д.)?

Ответ: Считаю это своим упущением.

Записано с моих слов верно, мною прочитано.

БАЛЬЦЕВИЧ.

Допросил:

Г. МОЛЧАНОВ.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

ГУБИНА Александра Антоновича

от 6 декабря 1934 г.

Губин Александр Антонович — Начальник Оперативного Отдела УГБ УНКВД по ЛО; 41 г., из крестьян, служ. в Кр. армии на Самарском фронте. В органах ВЧК—ОГПУ НКВД с 1919 г., на оперативной и административной работе. Под судом и следствием не был.

Вопрос: Вы допрашиваетесь по вопросу об освобождении из Оперативного Отдела УГБ задержанного и доставленного туда 15 октября с. г. **Николаева**. Как начальнику Оперода, Вам известны все обстоятельства задержания и освобождения. Чем Вы руководствовались, отдав распоряжение об освобождении **Николаева**?

Ответ: Я распорядился освободить задержанного **Николаева**, руководствуясь следующими соображениями:

- 1) Личность **Николаева** была вполне удостоверена.
- 2) **Николаев** являлся членом партии.
- 3) **Николаев**, работая в Смольном, знал **С. М. Кирова**.
- 4) Я считал попытку **Николаева** подойти к т. **Кирову** с просьбой о предоставлении работы естественной и не возбуждающей подозрения, так как такие случаи были ранее и в последующем.

Вопрос: Прежде чем перейти к оценке этих мотивов освобождения задержанного **Николаева**, поясните на основании каких данных и материалов Вы решили освободить **Николаева**?

Ответ: О задержании и проверке личности **Николаева** мне доложил Начальник 4 Отделения Оперода т. **Котомин**. Он же принес мне все документы, обнаруженные у **Николаева**. Я эти документы просмотрел (помню хорошо, что одно из его служебных удостоверений было бордового цвета). Припоминаю, что некоторое сомнение у меня при просмотре этих документов вызвало то обстоятельство, что в партийном билете **Николаева** за несколько последних месяцев не были наклеены марки об уплате членских взносов. Тов. **Котомин** мне пояснил, что это правильно, так как **Николаев** безработный. Обменивались ли мы с т. **Котоминым** мнениями о том надлежит ли **Николаева** задержать или освободить, я не

помню, однако, наверное помню, что возражений со стороны тов. **Котомина** насчет освобождения **Николаева** не было и вопроса об аресте **Николаева** т. **Котомин** передо мной не ставил.

Вопрос: Видели ли Вы сами **Николаева**?

Ответ: Нет, не видел.

Вопрос: Что Вам было известно в то время, когда **Николаев** находился в Оперативном отделе, об обстоятельствах и причинах его задержания?

Ответ: Все обстоятельства самого задержания **Николаева** и причины этого задержания, т. е. в чем выражалась подозрительность его поведения, я знал и узнал только от т. **Котомина**, никто из других подчиненных мне работников, в частности, из группы негласной охраны т. **Кирова**, по вопросу о задержании **Николаева** мне не докладывал.

Вопрос: Что Вам известно было о результатах личного обыска **Николаева** после его задержания и при проверке его личности в Оперативном Отделе?

Ответ: Я не спросил у **Котомина** о результатах личного обыска **Николаева**, так как я заранее считал (был уверен), что обыск **Николаева** был произведен. Я так полагал, во-первых, на основании существующих положений о действиях в отношении задержанных и, во-вторых, из всего содержания доклада т. **Котомина** и его ответов на мои вопросы. Так, т. **Котомин** на мой вопрос, что обнаружено в портфеле **Николаева**, ответил: «он забит газетами, видно, как безработному, ему делать нечего и он много читает».

Вопрос: Таким образом из Ваших ответов видно, что в случае с задержанием **Николаева** Вам не были известны подробности и подлинная обстановка его задержания, а также кем был произведен его личный обыск и был ли он произведен вообще?

Ответ: Я признаю, что все мои действия в отношении задержанного **Николаева** и мое решение его освободить вытекали только из содержания доклада мне **Котомина** и из просмотра тех документов и материалов, которые **Котомин** мне принес. Относительно личного обыска **Николаева**, после его задержания, я только предполагал, что обыск произведен и что **Котомин** докладывает мне, учитывая результаты обыска.

Вопрос: По какой причине о задержании **Николаева** не были наведены, ни до его освобождения, ни после, справки в Оперативной картотеке, ни в Отделах УГБ?

Ответ: Справки не наводились, так как я считал, что проверка **Николаева** может ограничиться теми соображениями, какие я изложил в ответе на первый вопрос настоящих показаний.

Вопрос: В этом же первом Вашем ответе в числе мотивов, которыми Вы руководствовались, решив освободить **Николаева**, Вами приведено соображение о том, что **Николаев**, как бывший со-

трудник Обл. Контр. Ком., знал лично т. **Кирова**. Каким образом эта причина могла иметь для Вас положительное значение, если учесть что **Николаев** был задержан охраной, как подозрительный?

Ответ: Я учитывал, что охраной задерживается каждый подходящий к т. **Кирову**, неизвестный лично сотруднику охраны, в данном же случае это был член партии и б. сотрудник Обл. Контр. Ком. Этот мотив не явился бы одним из склонивших меня к освобождению **Николаева**, если бы я знал, что **Николаев** вызвал у охраны особое подозрение или что у него при обыске найдено что-либо подозрительное, в частности оружие.

Вопрос: Имела ли группа негласной охраны т. **Кирова** указания производить хотя бы поверхностный личный обыск у лиц, задерживаемых при приближении к т. **Кирову** и возбуждающих подозрения?

Ответ: Никаких определенных общих инструкций или указаний по этому вопросу не имеется. Однако, в практике нашей работы сотрудникам указывалось, что задержанных на улице надлежит отводить в сторону от места задержания, доставлять в ближайшее отделение милиции или в Оперод, где немедленно производить обыск. Обыск на улице не производился.

Вопрос: Полагаете ли Вы сейчас, что в отношении задержанного группой охраны т. **Кирова**—**Николаева**, просмотр находящихся при нем личных документов без проверки их подлинности и без наведения о **Николаеве** справок, за исключением проверки в адресном бюро, в какой-либо мере можно назвать проверкой, достаточной для освобождения задержанного, не принимая и в дальнейшем каких-либо мер к его проверке?

Ответ: Я признаю и считаю, что проверка **Николаева** была недостаточной. Основным упущением было то, что я не проверил факта и результатов производства личного обыска **Николаева** и что я освобождение **Николаева** при этих условиях решил исключительно на основании личных о нем впечатлений, вытекающих только из доклада т. **Котомина**.

Записано с моих слов. Прочитано — **ГУБИН**.

Допросил:

Зам. Нач. ОО ГУТБ **СОСНОВСКИЙ**.

15005

882

ПРОТОКОЛ дополнительного допроса

ГУБИНА, Александра Антоновича.

13 января 1935 года.

Вопрос: Кем, когда и какие Вам давались указания по вопросу об охране тов. **Кирова**, и как охрана была Вами организована?

Ответ: До моего назначения в июне 1933 г. начальником оперода, вся охрана т. **Кирова** сводилась к дежурному по приемной тов. **Кирова** комиссару **Борисову**, к завербованному швейцару дома, в котором т. **Киров** проживал, и к сотруднику **Буковскому**, охранявшему тов. **Кирова** при его поездках за город. Никаких других элементов охраны не было. Мною сразу было установлено, что швейцар—пьяница, разложившийся человек. Я его уволил.

Через несколько дней после моего назначения начальником оперода, мне приказом б. ОГПУ был объявлен строгий выговор за допущение небрежности в организации ответственного оперативного задания. Вызван этот приказ был тем, что в июле 1933 г. т. **Киров** выехал на машине из Ленинграда в Москву в сопровождении одного лишь **Буковского**, причем никаких других мер охраны принято не было. Не послал я для сопровождения ни машины, ни разведки по приказанию т. **Медведя**. После получения строгого выговора и ознакомления с постановкой охраны, мною был принят ряд мер к организации охраны. При квартире т. **Кирова** был поставлен в качестве швейцара сотрудник оперода, поставлены были два своих лифтера, на ночь, кроме этого, в швейцарской ставился разведчик. С конца зимы 1933 г. или в начале весны 1934 г., к 9 и 9½ часам утра стала подезжать к квартире легковая машина с двумя сотрудниками оперода, задачей которых было сопровождать т. **Кирова** или в машине или пешком, — в зависимости от того, как тов. **Киров** отправлялся. У входа, вернее, у подъезда Смольного, был установлен пост из трех разведчиков, которые должны были, как вообще наблюдать за подездом, так и провожать тов. **Кирова** при его приезде в Смольный до вестибюля последнего. В вестибюле т. **Кирова** должен был встречать и провожать до кабинета сотрудник оперода **Борисов**. Кроме того, в 3-м этаже Смольного был подвижной пост разведчиков (в форме), которые обязаны были не допускать скопления в коридоре публики, проверять необходимость пребывания на 3-м этаже, а при про-

ходе тов. **Кирова** — встречать его. Как пост у подъезда Смольного, так и коридорный пост и **Борисов**, о выезде т. **Кирова** предупреждались по телефону. У квартиры тов. **Кирова**, кроме того, до 1 часа ночи стоял пост наружной разведки и милицейкий пост. Для всех сотрудников перечисленных постов, а также и для **Борисова** письменных инструкций не было; мы ограничивались устным инструктажем. Все эти мероприятия по организации охраны были проведены мною с ведома т. **Медведя**, которому я непосредственно подчинялся по вопросам охраны. В отсутствие т. **Медведя**, я подчинялся по вопросам охраны т. **Запорожцу** и иногда т. **Фомину**. Никаких специальных указаний по охране мне ни т. **Медведь**, ни т. **Запорожец** не давали. Регулярных докладов я им не делал, а заслушивали они меня по вопросам, которые я ставил, от случая к случаю.

Вопрос: Инструктировались ли Вы по вопросу охраны т. **Кирова** оперодом б. ОПШУ, а затем ГУТБ НКВД?

Ответ: Да, инструктировался начальником оперода т. **Паукером** и помощником его т. **Гулько**. В сентябре 1933 г., в мае и ноябре 1934 г., я приезжал в Москву с личными докладами. Кроме того, разговаривали по телефону. Т.т. **Паукер** и **Гулько** объясняли мне, как надо организовывать личную охрану тов. **Кирова** и охрану Смольного. В мае 1934 года Москвой был утвержден штат оперода по комендатуре Смольного.

Вопрос: Кто из Ваших сотрудников непосредственно занимался вопросами личной охраны т. **Кирова** и как было поставлено практически руководство охраной?

Ответ: Непосредственно руководил охраной начальник IV' отделения оперода **Котомин**. Проверял охрану он, вместе с комиссаром **Грюнвальдом**. **Грюнвальд** должен был об'езжать посты, проверять их и получать устные сведения о результатах работы. Письменные рапорта от постов не требовались. За 1934 год помню 3 случая задержания подозрительных лиц на пути следования т. **Кирова**. Первый случай был зимой 1934 г., когда было задержано 3 хулигана, у магазина, в который зашел что-то купить т. **Киров**, второй случай — летом 1934 г. задержан был комсомолец — рабочий, хотевший предложить т. **Кирову** проводить его в целях охраны. Были ли письменные рапорта об этих случаях — не помню. Третий случай — задержание **Николаева**. Об этом случае по моему указанию было сообщено в ежедневном рапорте Оперода о происшествиях за сутки по Ленинграду. Выборка из этого рапорта, включавшая сообщение и о задержании **Николаева**, была мною направлена т.т. **Медведю** и **Фомину**. Посылал ли т. **Запорожцу** — не помню. От т.т. **Медведя** и **Фомина** никаких замечаний по рапорту не последовало. От секретаря т. **Медведя** рапорт вернулся с пометкой секретаря «в Оперод», а от тов. **Фомина** — с его личной пометкой «**Фомин** и дата». Непосредственно в оперативные отделы (СПО, ОО, ЭКО и др.) я рапортов о случаях задержания подозрительных лиц не посылал; по установившемуся порядку, это

делал т. **Медведь** или его заместитель. Никакого учета задержанных во время охраны т. **Кирова** не велось.

Вопрос: Сообщали ли Вам начальники Оперативных отделов о наличии у них дел, разработок и отдельных показаний по террору с тем, чтобы Вы приняли меры к усилению охраны?

Ответ: Нет, не сообщали. Помню лишь один случай, когда из СПО сообщили о террористической группе в гараже Ленсовета, но и то уже после того, как эта группа была ликвидирована.

Прочитано. Записано правильно — **ГУБИН.**

Допросили:

БУЛАНОВ.

БЕРДИЧЕВСКИЙ.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

КОТОМИНА Михаила Ивановича.

Котомин Михаил Иванович, 1891 г. рож., ур. г. Ленинграда, русский, из рабочих, чл. ВКП(б) с 1918 г., в органах ОГПУ — НКВД с 1921 г., красногвардеец, служил в Кр. армии в 162 стр. полку 18 дивизии на Северном и Западном фронтах. С сентября 1933 г. Нач. 4-го отделения оперода УГБ.

Вопрос: Вам была подчинена оперативная группа по негласной охране тов. **Кирова** — сколько в среднем задерживалось этой группой подозрительных лиц и доставлялось для проверки в Оперод в течение последних октября и ноября месяцев?

Ответ: Насколько помню, было задержано и доставлено в Оперод 4—5 человек в течение каждого месяца.

Вопрос: Был ли кто-либо из задержанных охраной за это время после выяснения его личности арестован?

Ответ: Нет, никто.

Вопрос: Каким порядком производилась проверка по существу задержанных в октябре и ноябре м-це?

Ответ: Задержанные доставлялись в 4-е отделение Оперода ко мне лично, я просматривал имевшиеся при них документы, беседовал с ними или поручал одному из сотрудников произвести опрос, затем во всех случаях о результатах выяснения личности задержанного докладывал Начальнику Оперода тов. **Губину** и по его указанию освобождал.

Вопрос: Наводили ли о личностях задержанных охраной тов. **Кирова** в ноябре с. г. справки в картотеке и в Отделах Управления Гос. Безопасности?

Ответ: Я лично справок не навел и не помню случая, чтобы я поручал это делать своему аппарату.

Вопрос: Был ли случай задержания охраной тов. **Кирова** и доставки к Вам для проверки гр. **Николаева**?

Ответ: Да, не помню какого числа в ноябре м-це ко мне в кабинет был приведен одним из Оперативных Комиссаров, кем именно не помню, задержанный охраной и оказавшийся по его словам и документам **Николаевым**.

Вопрос: Что Вами было сделано для проверки личности задержанного **Николаева**?

Ответ: Я лично проверил все находящиеся при нем документы, партийный билет, старое удостоверение о работе в Смольном, удостоверение (действительное) в том, что он **Николаев** является инструктором Института Истории Партии. При нем также был портфель, рваный, в нем книги и разные старые бумаги и газеты.

Вопрос: Не возникло ли у Вас сомнений в подлинности находящихся при **Николаеве** личных документов и в том, что эти документы принадлежат задержанному?

Ответ: Нет, у меня не было сомнений, как по наружному виду документов, так и ввиду того, что в некоторых документах были припечатанные фотографии задержанного.

Вопрос: Было ли при задержанном **Николаеве** оружие?

Ответ: Я не помню, было ли при **Николаеве** оружие, кажется, среди его документов было разрешение на право хранения оружия.

Вопрос: Были ли Вами наведены какие-либо справки о задержанном **Николаеве**?

Ответ: Я поручил одному из своих сотрудников, кому именно не помню, проверить в адресном бюро по телефону, действительно ли задержанный проживает по указанному им адресу. Этот сотрудник мне доложил, что это подтвердилось справкой в адресном бюро. После этого я оставил задержанного в кабинете с сотрудником (каким не помню), а сам пошел со всеми документами задержанного в кабинет Нач-ка Оперода тов. **Губина** и доложил ему все обстоятельства задержания и проверки **Николаева**.

Тов. **Губин** выслушал меня, просмотрел документы и велел задержанного освободить, что мною и было выполнено.

Вопрос: Сколько времени заняла Вам проверка личности задержанного **Николаева** с момента его привода к Вам и до освобождения?

Ответ: Не более часу.

Вопрос: Как вел себя **Николаев** у Вас при выяснении его личности?

Ответ: Помню хорошо, что **Николаев** вел себя совершенно спокойно и нормально, даже более спокойно, чем обычно задерживаемые.

Вопрос: Чем **Николаев** об'яснял Вам то, что он пытался подойти на улице к тов. **Кирову**?

Ответ: **Николаев** на мой вопрос об этом ответил, что он хотел обратиться к тов. **Кирову**, как член партии по личному вопросу о работе. **Николаев** при этом сказал, что я не думал, что тов. **Кирова** на улице охраняют, иначе я к нему на улице не стал бы подходить.

Вопрос: Скажите, какое Ваше мнение о том, как надо поступать с **Николаевым**, Вы доложили Вашему Начальству т. **Губину**?

Ответ: Я доложил тов. **Губину** только фактическую сторону вопроса о задержании, документах и правильности места жительства. Своего мнения, как в отношении ареста, так и освобождения я не высказывал и спросил «что с ним делать»?

Тов. **Губин** предложил задержанного **Николаева** освободить. С этим решением тов. **Губина** я сам по существу был согласен.

Вопрос: Вы лично отвечали за охрану тов. **Кирова**, Ваша же охрана задержала показавшегося ей подозрительным подошедшего к тов. **Кирову**. Чем об'яснить, что по существу не была проведена проверка задержанного?

Ответ: Я считал принятые мною меры проверки на основании документов и подтверждения места жительства достаточными.

Вопрос: Был ли после задержания произведен личный обыск **Николаева**?

Ответ: На этот вопрос я не могу ответить, я считал, что он обыскан, так как существует правило, что каждого задержанного перед приводом ко мне должен обыскать тот, кто его задерживает.

Вопрос: Почему не были зафиксированы никакой протокольной записью ни обыск **Николаева**, ни его опрос?

Ответ: Я считал это излишним, ввиду ясности для меня личности задержанного.

Записано с моих слов, верно: **М. И. КОТОМИН.**

Допросил:

Зам. Нач. ОО ГУГБ НКВД **СОСНОВСКИЙ.**

ПРОТОКОЛ
дополнительного допроса
КОТОМИНА, Михаила Ивановича.

13-го января 1935 г.

Вопрос: Следствием по делу об убийстве т. **Кирова** установлена явная недостаточность охраны т. **Кирова**. Охраной, как начальник IV Отделения Оперода, непосредственно руководили Вы? Признаете Вы свою вину?

Ответ: Я перешел в Оперод в сентябре 1933 г. (до этого был начальником технического отделения отдела связи); до моего перехода в Оперод там не было не только IV Отделения, но и никакой, по существу, охраны т. **Кирова**. Вся охрана состояла из разведчика Оперода **Борисова**, охранявшего т. **Кирова** в Смольном, завербованного швейцара в подезде дома, где жил т. **Киров**, и сотрудника Оперода **Буковского**, охранявшего т. **Кирова** при его поездках за город. Только с моим приходом в Оперод была организована действительная охрана.

Вопрос: За сколько времени до этого был назначен начальником Оперода **Губин**?

Ответ: Месяца за 2—2½ до моего прихода.

Вопрос: Следовательно, несмотря на то, что приказом быв. ОГПУ **Губину** был объявлен строгий выговор за допущение небрежности в деле охраны т. **Кирова**, эта охрана до Вашего поступления в Оперод **Губиным** организована не была?

Ответ: Нет, повторяю, что охраны фактически не было.

Вопрос: Когда впервые начала провожать т. **Кирова** легковая машина с сотрудниками Оперода?

Ответ: Приблизительно с июня 1934 г.

Вопрос: Поднимали ли Вы и перед кем этот вопрос ранее?

Ответ: Я неоднократно подымал перед **Губиным** этот вопрос, **Губин** же говорил, что это нужно согласовать с т. **Медведем** и, таким образом, вопрос откладывался.

Вопрос: Охрана т. **Кирова** в Смольном, состоявшая уже и при Вас из одного **Борисова**, была недостаточна. Признаете ли Вы это?

Ответ: Я считал, что этой охраны достаточно. Теперь вижу, что это не так.

Вопрос: При т. **Кирове** не было постоянного комиссара. Чем это объяснить?

Ответ: Я несколько раз докладывал **Губину** о необходимости выделить для непрерывной охраны т. **Кирова** постоянного комиссара. Однако, **Губин** каждый раз обещал переговорить об этом с т. **Медведем**. К чему приводили эти переговоры, не знаю, но вопрос остался в том же положении.

Вопрос: Как и кем инструктировались и проверялись все посты охраны т. **Кирова**?

Ответ: Охрана инструктировалась и проверялась мною и специальным уполномоченным Оперода **Грюнвальдом**, ведавшим раведкой IV Отделения.

Вопрос: Проверял ли охрану **Губин**?

Ответ: Раза два ездил со мной.

Вопрос: Следствием установлено, что письменных инструкций ни для **Борисова**, ни для разведчиков в коридорах Смольного, ни для наружных постов не было. Признаете ли Вы это?

Ответ: Да, признаю.

Вопрос: Установлено и то, что от постов не требовалось рапортов о результатах работы, в частности — о задержанных или замеченных подозрительных лицах. Подтверждаете ли Вы это?

Ответ: Да, подтверждаю. Суточные рапорта подавались только комендантом Смольного.

Вопрос: Отсутствие письменного инструктажа охраны, отсутствие постоянного комиссара по охране, непредставление рапортов о результатах работы — все это говорит о Вашем преступно-халатном отношении к охране т. **Кирова**. Признаете ли Вы это?

Ответ: Признаю, но повторяю, что целиком от меня все это не зависело и что я неоднократно возбуждал вопрос об усилении охраны перед своим начальником — **Губиным**.

Вопрос: Следствием установлено, что работа Оперода не увязывалась с оперативными другими отделами. В частности, о задержании при его наблюдении за т. **Кировым** члена ВКП(б) **Николаева** не было сообщено в СПО. Подтверждаете ли Вы это?

Ответ: Подтверждаю. В практике Оперода вообще не было случаев увязки таких вопросов с другими оперативными отделами.

Вопрос: Установлено, что и другие оперативные отделы не информировали Оперод об их разработках и делах по террору и что, таким образом, Оперод не принимал соответствующих мер к усилению и выправлению охраны. Подтверждаете ли Вы это?

Ответ: Да, подтверждаю. Такой практики не было.

Вопрос: Следствием установлено, что у разведчиков, доставших 15 октября в Оперод **Николаева**, не было точно выяснено, при каких обстоятельствах он был задержан. Не объясняется ли это общей постановкой дела охраны?

Ответ: Да, это так.

Вопрос: Кто сопровождал т. **Кирова** при его поездках в Москву?

Ответ: До июня-июля 1934 г. т. **Кирова** провожали только два разведчика, ехавшие в смежном вагоне. С лета 1934 г. стал ездить в соседнем купе международного вагона лично я.

Вопрос: Вызывал ли Вас когда нибудь по вопросам охраны начальник Управления т. **Медведь** или его заместитель?

Ответ: Нет, не вызывали. По общим вопросам охраны я имел дело только с **Губиным**.

Прочитано. Записано правильно — **КОТОМИН М. И.**

Допросили:

БУЛАНОВ.

БЕРДИЧЕВСКИЙ.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

ПЕТРОВА **Геоργия Алексеевича**, произведенного

13 декабря 1934 г.

Вопрос: Почему Вы принуждали **Волкову** сознаться в том, что ее заявления и показания являются ложными?

Ответ: Вследствие сложившегося у меня убеждения о том, что показания **Волковой** являются ложными, я доказывал **Волковой**, что она врет и требовал признания ею лжности собственных показаний.

Вопрос: Каким образом Вы убедились, что **Волкова** дает якобы ложные показания?

Ответ: Убеждение о лжности сообщений **Волковой** сложилось у меня на основе логической неестественности сообщавшихся ею фактов и несерьезного отношения самой **Волковой** к этим фактам; кроме того, лжность сообщений **Волковой** подтвердилась проведенной мною агентурной и следственной работой по сообщенным ею фактам.

Вопрос: Как известно, Вы сделали очную ставку **Волковой** с **Ливановым** уже после того, как заставили **Волкову** отказаться от ее сообщений; кого и в чем Вы на этой очной ставке уличали?

Ответ: На очной ставке **Волковой** с **Ливановым** я уличал **Волкову** в лжности ее сообщений о к.-р. деятельности **Ливанова**, имея ввиду привлечение **Волковой** к ответственности за клевету.

Вопрос: Какие меры были Вами приняты, чтобы уличить названных **Волковой** лиц в к.-р. деятельности?

Ответ: Указать следственные действия, которые были бы направлены к вскрытию к.-р. деятельности названных **Волковой** лиц, — я не могу и признаю, что следствие велось не в этом направлении, а стремилось доказать виновность **Волковой** в клевете.

Вопрос: Что было предпринято по агентурной линии?

Ответ: Пом. Нач. 2 отделения Особого Отдела **Бальцевич**, с момента получения сообщений **Волковой**, утверждал, что они ложны. Когда я допросил **Волкову**, установил всех названных ею лиц и доложил об этом **Бальцевичу**, он снова сказал, что **Волкова** врет

и никаких указаний об агентурной разработке сообщений **Волковой** мне не дал; я тогда же доложил **Бальцевичу**, что зам. нач. ОО **Янишевский** утвердил мое предложение об установлении наружного наблюдения за **Коршуновым**, но **Бальцевич** приказал наружного наблюдения за **Коршуновым** не ставить, а приступить к следствию и закончить его в два дня. Я докладывал также **Бальцевичу**, что нами еще даже не установлен **Масляков**, о котором **Волкова** говорила, как о террористе, что не сделаны обыски в **Мартышкино** и **Тярлево**, где якобы хранится оружие, но **Бальцевич** ответил, что ничего этого делать не нужно.

Вопрос: Признаете ли Вы, что и агентурным путем не было принято мер к получению данных о к.-р. деятельности названных **Волковой** лиц?

Ответ: Да, признаю, таких агентурных мер, которые были направлены к получению данных о к.-р. деятельности лиц, о которых сообщала **Волкова**, принято не было.

Вопрос: Из Ваших показаний явствует, что все Ваши мероприятия, как в отношении самой **Волковой**, так и лиц, которых она обвиняла в к.-р. деятельности — были направлены во вред интересам раскрытия этой к.-р. деятельности; признаете ли Вы это?

Ответ: Да, признаю, что по существу это было так.

Вопрос: В какой мере Вы были лично заинтересованы в таком направлении дела?

Ответ: Я ни в какой степени личной заинтересованности в таком ходе дела не имел.

Вопрос: Кого Вы знали лично из числа называвшихся **Волковой** в ее заявлениях и показаниях?

Ответ: Ни одного из тех лиц, которых **Волкова** обвиняла в к.-р. деятельности, я никогда не знал и не встречал.

Прочитано, записано правильно — **ПЕТРОВ.**

Допросил:

Зам. нач. ОО ГУГБ НКВД **СОСНОВСКИЙ.**

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

БЕЛОУСЕНКО Александра Макаровича

12 декабря 1934 г.

1. **Белуосенко.**

2. Александр Макарович.

3. 1903 г. рождения.

4. г. Харьков, Укр., гр. СССР, отец рабочий, работал на ХПЗ и Спиртоводочном заводе, мать — работница, оба умерли.

5. Ул. Воинова, д. № 34, кв. 85а.

6. Опер. секретарь Зам. Нач. Упр. НКВД ЛО.

7. Жена **Сигова** Кс. Ст., работала в НКВД, сейчас на пенсии, канд. в чл. ВКП(б), дочь Валя 8 лет; две сестры — одна **Богуславская** Нат. Мак., работает в НКВД в Москве, вторая — **Корошевская** Мария, живет в Харькове.

8. Кончил рабфак в Москве в 1927—28 г.

9. Чл. ВКП(б) с 1926 г., в комсомоле с 1920 г.

10. Работает в органах ЧК—ГПУ с 1920 г.

Вопрос: Когда Вы впервые приняли посетительницу **Волкову** и какое заявление она Вам сделала?

Ответ: В конце октября месяца я принял гр. **Волкову**, которая мне сообщила, что ей известна группа людей, замысляющих подготовить какой-то террористический акт.

Вопрос: Против кого именно предполагала совершить террористический акт та группа людей, о которой Вам рассказала **Волкова**?

Ответ: **Волкова** говорила о террористическом акте вообще, не указав конкретно против кого он должен был быть направлен.

Вопрос: Известно ли Вам, что **Волкова** являлась секретной сотрудницей Центрального Отделения Упр. НКВД Ленинграда?

Ответ: Была ли она секретной сотрудницей, мне неизвестно, не в процессе разговора, не помню с кем, в день приема мною **Волковой**, я узнал, что она как-то обращалась с заявлением о том, что ей известно о наличии к.-р. террористической группы, в Центральное Районное отделение г. Ленинграда.

Вопрос: В заявлении, которое Вам сделала **Волкова**, речь шла о том, что какая-то группа людей замышляет подготовить террористический акт или подготавливает террористический акт?

Ответ: Я помню, что **Волкова** мне сказала, что эта группа людей думает подготовиться к террористическому акту, для чего приобретают оружие.

Вопрос: Разве Вам **Волкова** не говорила, что в Лиговке у одного из участников террористической группы имеются на квартире ящики с взрывчатыми веществами?

Ответ: Нет, не говорила.

Вопрос: Вы это твердо помните?

Ответ: Твердо помню, что мне она об этом не заявляла.

Вопрос: Рассказывала ли Вам **Волкова**, что она была арестована в сентябре месяце сотрудником Особого Отдела **Петровым**?

Ответ: Нет, она мне об этом не говорила.

Вопрос: Какие жалобы Вам заявила **Волкова**. Предъявляла ли она Вам претензии на неправильные действия сотрудников Наркомвнудела.

Ответ: Никаких жалоб на сотрудников НКВД она не заявляла. **Волкова** сказала, что ее сообщение о наличии людей, думающих совершить террористический акт, остается без движения.

Вопрос: В ответе на предыдущий вопрос Вы противоречите сами себе, утверждаете, что никакой жалобы **Волкова** Вам не заявляла и в то же время говорите, что она Вам сказала, что ее сообщение о террористической группировке остается без движения. Как Вы считаете заявление гражданина о том, что данные им сообщения о наличии террористической группы остаются без движения и являются жалобой на неправильные действия или нет?

Ответ: Да, действительно, тут у меня появилось противоречие. Я не понял о какой жалобе Вы спрашиваете. На самом же деле **Волкова** предъявила претензии на то, что ее сообщение остается без внимания.

Вопрос: Не заявляла ли Вам **Волкова** о том, что за ней **Петровым** было установлено негласное наружное наблюдение?

Ответ: Нет, не заявляла.

Вопрос: Не говорила ли Вам Волкова о том, что ей и тем лицам, которые фигурируют в ее сообщениях, как террористы, Петровым была устроена очная ставка?

Ответ: Насчет очной ставки Волкова мне ничего не говорила, но сказала, что ее допрашивали в Управлении НКВД Ленинградской области. Из разговора с ней и Петровым и Бальцевичем я понял, что допрашивали ее именно Петров и Бальцевич.

Вопрос: Как долго и подробно Вы разговаривали с Волковой? В какой степени Вы выяснили все обстоятельства дела?

Ответ: Разговор у меня был непродолжительный, в подробности дела я не вникал, так как вызванные мной ту же Петров и Бальцевич сообщили, что они по этому поводу вели, якобы следствие, дело следствием закончено и утверждено и установили, что сообщение Волковой не подтвердилось. Я поверил Петрову и Бальцевичу и считал, что мне больше по этому поводу делать нечего. Правда, я товарищам Петрову и Бальцевичу порекомендовал, ввиду приближения ноябрьских празднеств, еще раз посмотреть за теми людьми, которые фигурируют в сообщениях Волковой, и, если потребуется, произвести необходимые оперативные мероприятия (обыски, аресты).

Вопрос: Доложили ли Вы кому-либо из начальствующего состава обо всем, что изложено выше, и какие указания Вы получили?

Ответ: Нет, никому не докладывал и ни от кого никаких указаний не получал.

Вопрос: На каком основании Вы никому не доложили этого вопроса, разрешили его самостоятельно?

Ответ: Я никому не докладывал, потому что целиком поверил Петрову и Бальцевичу, особенно потому, что не представлял себе, что эти товарищи могли прекратить работу по раскрытию террористической группировки, не имея достаточных к тому оснований, тем более, что они мне сказали, что было заведено следственное дело, по которому составлено постановление о прекращении и это постановление утверждено Начальником или заместителем Н-ка Областного Управления НКВД.

Вопрос: Потребовали ли Вы это следственное дело и ознакомились ли с ним?

Ответ: Нет, я этого не сделал по тем же мотивам.

Вопрос: Выяснили ли Вы, что собою представляют те лица, которые фигурируют в сообщениях Волковой и подозреваются в террористической деятельности, есть ли среди них кулаки, быв. бел. офицеры и т. д.

Ответ: Нет, я этого не сделал, руководствуясь теми же мотивами, так как Петров и Бальцевич мне заявили, что они всех проходящих по сообщениям Волковой лиц проверили и ничего подозрительного не нашли.

Вопрос: На каком основании Вы по такому серьезному вопросу, как подозрение группы лиц в подготовке к террористическому акту, позволили себе, проверяя заявление **Волковой** по этому поводу, ограничиться лишь заслушиванием устных сообщений **Петрова** и **Бальцевича** и не удосужились немедленно изучить все материалы дела?

Ответ: Это моя большая вина, и заключается она в том, что я целиком поверил **Петрову** и **Бальцевичу**, поверил им будто они проверили следствие, которое не дало положительных результатов и, кроме того, что **Волкова** психически ненормальная.

Вопрос: На каком основании Вы направили **Волкову**, после того, как выслушали ее заявление, к **Петрову**, т. е. к тому самому сотруднику, на действия которого **Волкова** жаловалась?

Ответ: Ввиду того, что после устного сообщения **Бальцевича** и **Петрова**, что заявление **Волковой**, было, якобы, достаточно проверено и не подтвердилось, я считал, что претензии со стороны **Волковой** к **Петрову** отпали. Направил же я **Волкову** к **Петрову** для того, чтобы **Петров** перепроверил еще раз лиц, указанных в заявлении **Волковой**, в связи с тем, что наступали ноябрьские торжества и если нужно, — принял необходимые мероприятия.

Вопрос: Предложили ли Вы **Волковой** опять явиться к Вам на следующий день 28 октября 1934 г. и для какой цели?

Ответ: Да, предложил, потому что **Петров** 27/X—34 г. не успел с ней переговорить.

Вопрос: Какое участие Вы принимали в отправке **Волковой** в психиатрическую лечебницу?

Ответ: Мое участие выразилось в том, что я сказал свое мнение **Петрову** и **Бальцевичу**, что **Волкову**, поскольку они предполагают, что она психически ненормальна, надо направить на освидетельствование к врачу.

Записано верно, мной прочитано. — **БЕЛОУСЕНКО.**

Допросил:

Нач. ЭКО ГУГБ НКВД СССР **МИРОНОВ.**

Оглавление:

	<i>Стр.</i>
Закрытое письмо НКВД СССР № 001	1
Обвинительное заключение по делу б. сотрудников Управления НКВД СССР по Ленинградской области Медведя Ф. Д., Запорожца И. В., Фомина Ф. Т., Горина-Лундина А. С. и др.	17
Приговор Военколлегии Верховного Суда СССР по делу б. сотрудников Управления НКВД СССР по Ленинградской области Медведя Ф. Д., Запорожца И. В., Фомина Ф. Т., Горина-Лундина А. С. и др.	25
Протокол допроса Медведя Ф. Д. от 15 января 1935 г.	30
Протокол допроса Запорожца И. В. от 14 января 1935 г. . . .	36
Протокол допроса Горина-Лундина А. С. от 14 января 1935 г. .	42
Протокол допроса Горина-Лундина А. С. от 16 января 1935 г. .	46
Протокол допроса Янишевского Д. Ю. от 22 декабря 1934 г. . .	48
Протокол допроса Янишевского Д. Ю. от 12 января 1935 г. . .	61
Протокол допроса Бальцевича М. К. от 9 декабря 1934 г. . . .	65
Протокол допроса Бальцевича М. К. от 9 декабря 1934 г. . . .	69
Протокол допроса Бальцевича М. К. от 21 декабря 1934 г. . . .	72
Протокол допроса Бальцевича М. К. от 13 января 1935 г. . . .	78
Протокол допроса Губина А. А. от 6 декабря 1934 г.	85
Протокол допроса Губина А. А. от 13 января 1935 г.	88
Протокол допроса Котомина М. И. от 5 декабря 1934 г.	91
Протокол допроса Котомина М. И. от 13 января 1935 г.	94
Протокол допроса Петрова Г. А. от 13 декабря 1934 г.	97
Протокол допроса Белоусенко А. М. от 12 декабря 1934 г. . . .	99